

Магиер Лебиус

Автор:

Руслан Мельников

Магиер Лебиус

Руслан Мельников

Голем #1

Прагсбургский магиер, некромант, алхимик и механикус Лебиус Марагалиус скрывается от кайзера и инквизиции во владениях маркграфа Альфреда Чернокнижника. На Нидербургском турнире, созванном неспроста и принявшем не всех, против остландских рыцарей выступает несокрушимый стальной голем.

В магилабор-залах Оберландского замка, где смерть хуже просто смерти, вершатся темные опыты запретных искусств. Узники темниц, в которых царят звериные законы выживания, от страха и ненависти теряют человеческий облик. А на замковом дворе палаческую работу выполняют механические руки.

Гордому гейнскому пфальцграфу Дипольду Славному предстоит уцелеть там, где уцелеть нельзя, и выбраться оттуда, откуда живыми не выбираются. Но, возможно, ему в этом помогут. Только кто? И, главное, зачем?

Руслан Мельников

Магиер Лебиус

Глава 1

Птица в небесной синеве, расчерченной молочно-белыми полосами облачных барашков, казалась чернильной кляксой на дорогой бумаге. Одинокий ворон кружил над Нидербургом, опираясь мощными крыльями на восходящие потоки воздуха и терпеливо дожидаясь добычи. Только в этот раз падальщик ошибся: под городскими стенами не было ни битвы, ни казни. Под стенами проходил честный рыцарский турнир, после которого поживы воронью не оставляют.

Расположенное напротив главных ворот Нидербурга ристалище, пестрело гербами известнейших родов остландского герцогства-курфюрства и его ближайших окрестностей. Ландграфы, пфальцграфы, бароны и имперские рыцари, съехавшиеся на нидербургский турнир, старались перещеголять друг друга яркостью красок, пышностью свиты, богатством доспехов и убранством лошадей. От вида роскошных плюмажей, парадных плащей, дорогих конских попон, нагрудных гербовых котт, копейных банеров, тяжелых, расшитых золотом штандартов и раскрашенных щитов, разбегались глаза и веселилась душа.

По краю ровного, хорошо утопанного турнирного поля стояли напыщенные зычноголосые герольды. В руках у глашатаев блестели начищенной медью трубы с гербовыми вымпелами Нидербурга. Трубы – трубили. Герольды громко и подолгу, на несколько голосов, с разных концов ристалища, дабы слышали все, объявляли участников очередной схватки. А неподкупные судьи следили за соблюдением формальностей рыцарского поединка.

Плотным кольцом, точнее, вытянутым овалом вокруг ристалища выстроились вооруженная городская стража и ландскнехты. Им надлежало поддерживать порядок возле турнирной ограды, оттеснять забывшихся зрителей, а при необходимости – разнимать слишком уж горячих поединщиков и гнать прочь прытких рыцарских слуг и оруженосцев.

На небольшой насыпи – ближе к городским стенам – возвышались дощатые трибуны. Здесь, под расписанными навесами, в мягких переносных креслах гордо восседали знатные господа и дамы, изволившие наблюдать за турнирными схватками. Нидербургская знать надменно и холодно взирала на прочих зрителей, но с величайшим интересом разглядывала участников благородного состязания. На самом почетном месте в центре трибун,

окруженный полудюжиной телохранителей, сидел невысокий и немолодой уже мужчина с породистым лицом, кустистыми бровями, густой бородой и обильной сединой в волосах. Его светлость бургграф Рудольф Нидербургский – устроитель турнира. Одежды и кресло Рудольфа украшали геральдические красные львы, поднявшиеся на задние лапы. Красный лев на желтом поле – таков был фамильный герб древнего дворянского рода, из коего происходил бургграф.

По левую руку от Рудольфа расположилась королева турнира – юная, светловолосая девушка с изящным станом и обворожительным личиком, на котором выделялись болезненно-красные от возбуждения щеки и горящие восторгом глаза. Сходство с грубоватым бургграфом было невелико, однако именно это нежное создание приходилось Рудольфу родной дочерью. Отец души не чаял в своей милой дочурке, а ее поистине неземную красоту воспевали миннезингеры по всему Остланду. Герде, называемой не иначе, как Гердой-Без-Изъяна, исполнилось семнадцать. Девушке пора было присматривать жениха, и формально ристалищные игрища проходили в ее честь.

Ниже, под трибунами, справа и слева от насыпи к местам знати осторожно, однако весьма настойчиво жались горожане, чье происхождение не позволяло пока подняться на один уровень с благородным сословием, но чей кошелек давал возможность держаться поблизости от избранных и даже состоять в городском совете. Такие уж наступали странные времена: знатные господа, обладатели прославленных гербов, герои былых войн и славных турниров, истинные рыцари без страха и упрека все чаще нуждались в услугах пухлой мошны, а потому вынуждены были терпеть возле себя безродных, но состоятельных выскочек.

Выскочки эти либо теснились на длинных жестких, грубо сбитых и не прикрытых навесами скамьях, либо стояли у самой насыпи, переминаясь с ноги на ногу, изнемогая под собственным тучным весом и тяжестью душных дорогих одеяний. Богатые бургеры старались не замечать презрительно-насмешливых взглядов, обращенные в их сторону с высоты трибун. Напротив, главы цехов и гильдий, владельцы мануфактур и крупных мастерских, предприимчивые купцы и влиятельные ростовщики сами демонстрировали такое же презрение противоположной стороне ристалища.

Оттуда на ограждения напирала разношерстая толпа, состоявшая из представителей низших сословий. Желающих насладиться бесплатным зрелищем вблизи, а не с городских стен (тоже, кстати, изрядно облепленных

народом) среди черни хватало с избытком. Небогатые ремесленники и подмастерья, мелкие торговцы и крестьяне из предместий и близлежащих селений упрямо проталкивались к ристалищной ограде. Слишком близко простолюдинов, правда, не пускали: стража отпихивала особо ретивых древками пик и алебард. Пользуясь данной им невеликой властью, солдаты сами заняли лучшие места, и делиться захваченными позициями не собирались. Внимание бургграфских воинов из постоянного городского гарнизона и наемников-ландскнехтов, как и внимание прочего люда, – знатного и не очень – было полностью поглощено поединками.

А герольды снова и снова трубили в свои трубы и выкрикивали славные имена и грозные прозвища, громкие титулы и известные гербы закованных в латы единоборцев. Торжественный речитатив турнирных глашатаев тонул в восторженных возгласах, которые сопровождали, сопровождают и будут сопровождать любую драку, будь то трактирная потасовка или благородная дуэль. Публика приветствовала героев праздника.

Поединщики, разведенные по разным концам ристалищного поля, ждали своей очереди. Каждому из них надлежало промчатся между трибунами знати и толпой черни. Каждому предстояло вышибить на полном скаку щит противника. Или потерять свой. Или, если очень повезет – выбить соперника из седла. Или, если дело обернется совсем скверно – быть поверженному самому.

В преддверии схватки рыцари вели себя по-разному. Одни сосредоточенно молились, другие мысленно посвящали будущие победы своим прекрасным дамам, третьи нарочито громко шутили и спорили о том, какие отступные можно взять за коня и латы побежденных.

Судьи осматривали, измеряли и взвешивали оружие поединщиков, дабы ни у кого не было явных преимуществ. Расторопные слуги проверяли упряжь рослых боевых коней в цветастых пополах. Деловитые оруженосцы помогали благородным синьорам облачиться в тяжелые турнирные доспехи.

Список пар для копейных сшибок был уже составлен, и очередность схваток определена заранее. Однако по старой остландской традиции, проезд к обоим концам ристалища оставался свободным. Таково неписанное правило на тот случай, если какой-нибудь проезжающий мимо странствующий рыцарь решит испытать удачу в чужих краях или если в последний момент вдруг появится кто-то из запоздавших гостей.

Впрочем, старые правила – всего лишь старые правила, не более. На Нидербургском ристалище больше никого не ждали. Странствующие рыцари былых времен нынче странствуют разве что в рыцарских же романах, да в песнях миннезингеров. По крайней мере, в остландские земли эта публика не заглядывала уже давненько. А все приглашенные Рудольфом Нидербургским участники состязания съехались на турнир еще за пару дней до начала боев. Приглашенных, в общем-то, было немного – десятка два. Но зато какие это были гости!

Под Нидербургом собрался цвет остландского рыцарства – представители лучших, знатнейших, а главное – влиятельнейших фамилий курфюрства и окрестностей. О чем и свидетельствовали гербовые щиты, вывешенные вдоль ристалищной ограды, и реющие над головами зрителей штандарты. С щитов и знамен на поле рыцарской чести и доблести горделиво взирали львы, единороги, драконы, волки, орлы, медведи, вепри, быки и прочая геральдическая живность. И за каждой грозной тварью, надо заметить, стояла немалая сила.

В этом впечатляющем гербовом ряду восточного и крупнейшего, между прочим, имперского герцогства-курфюрства, а также примыкавших к нему владений, не хватало лишь одного геральдического знака. На Нидербургском ристалище отсутствовала серебряная змея властителя пограничных Верхних Земель Альфреда, маркграфа Оберландского. Того самого, которого в народе давно и не без оснований прозвали Альфредом Чернокнижником.

Глава 2

Овеянные холодными ветрами и недоброй славой горные вершины Оберландмарки в ясную погоду хорошо просматривались со стен и башен Нидербурга. Как же – ближайшие соседи! Но порой самый близкий сосед – не самый желанный гость на празднике. И об отсутствии маркграфа ни хозяева, ни участники турнира особо не тужили. Уж скорее наоборот...

Простолюдины откровенно побаивались властителя Верхней Марки, а благородное рыцарство всячески старалось ограничить общение со змеиным графом. Альфред отвечал соседям той же монетой, предпочитая участь

добровольного отшельника. Сам Чернокнижник крайне редко покидал маркграфство, и не позволял без своего ведома и разрешения пересекать оберландскую границу прочим. Ни в том, ни в другом направлении. Возможно, поэтому о закрытых Верхних Землях и ходили невероятные, а зачастую и пугающие слухи.

Не всех, правда, пугающие. Известно ведь: куда добропорядочный человек совать нос поостережется, отпетый грешник полезет с радостью. Так и здесь... Отребье со всей империи – от беглых преступников и закоренелых душегубов до гонимых церковью и кайзером колдунов, – искало и, судя по всему, находило убежище во владениях Чернокнижника. Притом чародеи, если верить молве, были там особенно желанными гостями. Их Альфред Оберландский сманивал к себе давно и открыто, им змеиный граф обещал покровительство в обмен на верную службу.

Именно в Оберланде, к примеру, спасся от костра могущественный прагсбургский магиер – знаток и практик черной магии, некромантии, алхимии, механики и прочих сомнительных наук, известный под именем Лебиус Марагалиус. Своей проклятой волшбой колдун сотворил из глины голема, который учинил великие разрушения в Прагсбурге и лишил жизни множество горожан.

Это дело рассматривал высший императорский суд. Облава на Лебиуса шла в добром десятке курфюрств, княжеств, герцогств и графств. В Остланде – тоже. И что же? Колдун прошел незамеченным все заслоны, отвел глаза и облаве, и дорожным стражам, и пограничной заставе, да и скрылся себе в Верхней Марке. Единственный, кто осмелился преследовать там беглеца, был отчаянный и прославленный во многих битвах барон Леопольд фон Нахтстлих с верными людьми. Отряд барона напал на след Лебиуса и почти настиг магиера, но...

Его Милости пришлось перейти оберландскую границу, разогнав на той стороне порубежную стражу, но вот обратно из Верхних Земель преследователи прагсбургского колдуна не вернулись. Ни один.

В исчезновении Леопольда и его людей, вне всякого сомнения, был замешан Альфред Чернокнижник, однако явных доказательств тому нет. А потому собирать войска и идти походом на неприступную и к тому же являющуюся надежным заслоном империи от воинственных соседей приграничную Верхнюю Марку, стареющий слабосильный кайзер желания не изъявил. Даже въедливые

отцы-инквизиторы, давно и безуспешно точившие зуб на змеиного графа, не смогли вдохновить Его Величество Альберта Немошного на праведную – это уж очевиднее некуда! – войну.

Дело ограничилось разъяснением оберландского посла. Посол утверждал, что Лебиус якобы прошел Верхние Земли насквозь и покинул их пределы, а, следовательно, и границы империи – тоже. Барон же фон Нахтстлих двинулся следом за колдуном и сгинул по ту сторону оберландских гор, на территории диких варварских племен. Оберландцам, разумеется, мало кто поверил. Чернокнижник как был, так и остался – враг не враг, друг – не друг, союзник – не союзник.

И все же тот факт, что к оберландским границам из Нидербурга не было направлено хотя бы формального извещения о турнире с участием представителей знатнейших родов, можно было расценить, как намеренное оскорбление. Если бы змеиному графу стало известно, в сколь почтенное общество его не пригласили... Впрочем, вряд ли это что-нибудь изменило бы. Отношения между устройщиком ристалищных боев Рудольфом Нидербургским и Альфредом Оберландскими и без того были испорчены донельзя.

Преданный вассал герцога Вассершлосского и остландского курфюрста Карла Осторожного, метившего, кстати, в императоры, Рудольф Нидербургский являлся одним из самых непримиримых недругов Чернокнижника. Бургграф мог позволить себе эту тихую, подспудно копящуюся вражду с соседом. А потому смог перед началом турнира и «забыть» о существовании Оберландмарки.

Во-первых, покровительство могущественного сюзерена и мощные стены Нидербурга оберегали Рудольфа от возможных неприятностей. А во-вторых... Обстоятельства складывались таким образом, что присутствие на турнире оберландского властителя было бы крайне нежелательным. По сути, семнадцатилетие Герды и приуроченный к этому, безусловно, приятному событию, турнир стали лишь поводом для собрания в Нидербурге высшей остландской знати. Истинной же причиной сбора были вовсе не праздничные торжества, смотрины и возможное обручение подрастающей дочери. Истинной причиной было желание Рудольфа раз и навсегда избавиться от неприятного соседства.

«Ту-ру! Ту-ру! Ту-ру-у-у!» – вновь весело заголосили сияющие в солнечных лучах трубы, призывая всех присутствующих к вниманию и извещая о начале

очередной схватки. Добившись некоего подобия тишины, трубы стихли.

– И вновь на ристалище приглашается зачи-и-инщик!.. – торжественно, нараспев, с долгими паузами – чтоб услышал и уразумел каждый – возглашали герольды.

И ветер разносил слова над турнирным полем. И колыхал тяжелое червлёное полотнище самого высокого стяга, поставленного у трибун. И, будто живой, ворочался вышитый на темно-красном знамени златокрылый грифон – родовой знак члена высшего имперского сейма курфюрста Остланда, владетельного герцога Вассершлоского Карла Осторожного.

– ... благоро-о-одный!..

Под остландским гербом с грифоном на турнире бился, конечно же, не сам Карл, коего уже прочили в кайзеры вместо болезненного, безвольного и недалекого Альберта Немощного. Его сиятельство герцог Вассершлоский, по возможности, старался избегать опасностей. Любых. В том числе нелепого и ничем не оправданного, с точки зрения пожилого курфюрста, увечья или смерти на ристалище. Зато единственный сын Карла – молодой, горячий, своевольный, пышущий неисчерпаемым боевым задором и не обладающий даже малой толикой осторожности своего родителя, которая давно стала притчей во языцех...

– ... пфальцграф Гейнский Дипо-о-ольд, прозвищем Сла-а-авный, герба Грифо-о-он!

... воистину показывал на турнире чудеса храбрости.

– А-а-а!

– О-о-о!

– У-у-у!

– Дипо-о-льд!

– Сла-а-авный!

– Грифо-о-он!

Толпа ликовала. Благородные господа тоже вытягивали шеи. Еще бы! Будущий кронпринц (кто еще сомневался в этом, тот попросту не ведал тонкостей внутренней имперской политики, а таких зрителей на трибунах знати было немного) уже одолел трех противников. Не удовлетворившись этим, Дипольд готовился к следующему поединку.

Высокий, светловолосый, голубоглазый, с чуть надменным изгибом тонких губ, гейнский пфальцграф всем своим видом показывал, что победа не может достаться иному. Он был единственным ребенком и наследником Карла Осторожного и, по сути, – самым близким человеком одинокому курфюрсту (жена Карла и мать Дипольда графиня Матильда Гейнская умерла при родах, а повторно жениться Вассершлоский герцог не стал). Однако, несмотря на постоянную опеку и наставления сдержанного, насквозь рационального отца, Дипольд больше руководствовался чувствами, а не разумом. Чем, безусловно, пошел в мать. И о чем никогда не жалел.

– Защитником[1 - Зачинщик и защитник на турнире – вызывающий и вызываемый на поединок рыцари.] выступает благородный!.. – надрывались герольды.

А гейнский пфальцграф, еще не надевший шлема, бросал весьма красноречивые взгляды на королеву турнира Герду-Без-Изъяна. И Рудольф Нибербургский мысленно потирал руки. Ему тут нравилось решительно все. Потому что все шло по плану. По его плану. Как задумывалось – так все и шло. С самого начала. А уж после...

– ... барон Генрих фон Шви-и-иц, по прозвищу Медведь, герба Медве-е-едь! – ристалищные глашатаи представляли публике четвертого противника Дипольда, также успевшего уже отличиться в предыдущих поединках.

... После ристалищных боев начнется пир.

– Генрих!

– Медведь!

На этот раз зрители кричали с меньшим энтузиазмом, но все же достаточно громко. Предстоящая схватка обещала быть интересной. Весьма.

Только нидербургский бургграф не кричал и не слышал криков – бургграф думал о своем. О сокровенном. О том, как лучше на предстоящем пиру обсудить возможность... Собственно, возможностей, по прикидкам Рудольфа, было две. Первая и самая предпочтительная – присоединение Верхней Марки к Нидербургскому бургграфству. Или наоборот – это не важно. Главное создать на основе объединенных земель новое графство, ландграфство, пфальцграфство и... И самому встать во главе небольшой, но богатой рудниками горной области.

Другой вариант: если не удастся убедить благородное рыцарство в том, что Оберландмаркой должен владеть ее ближайший сосед, потребуется выбрать иного претендента. А это будет непросто: слишком много найдется желающих. Скорее всего, придется разделить земли и рудники Альфреда между влиятельными остландскими домами, но так, чтобы и себя не обидеть и урвать кусочек пожирнее. Что ж, кто бы ни занял место Альфреда, новый хозяин (или хозяева) Верхней Марки определенно будет предпочтительнее старого.

Имелась лишь одна загвоздка. Змеиный граф добровольно своей вотчины не отдаст, а в одиночку его неприступное горное логово не взять никому из присутствующих на турнире. Для гарантированной победы следовало объединить силы всех недовольных Чернокнижником. Благо, таковых в Остланде хватало с избытком.

Предварительные переговоры состоялись еще накануне ристалищных боев – с каждым графом, бароном и рыцарем в отдельности. И вроде бы гости благосклонно восприняли расплывчатое и завуалированное пока предложение о низвержении маркграфа. Оставалось только заручиться поддержкой остландского курфюрста и будущего императора. Однако Его Сиятельство Карл Осторожный на то и Осторожный, чтобы не принимать скоропалительных решений. И вот тут многое будет зависеть от лихого молодца, украшенного остландскими грифонами и побеждающего на ристалище одного противника за другим. Если удастся убедить мальчишку...

А мальчишку убедить удастся. Скорее всего. Мальчишке только дай повод помахать мечом, да преумножить личную славу.

К тому же сейчас Дипольд находится в прекрасном настроении. Дипольд доволен своими победами. И главное – Дипольд так и пожирает взглядом Герду. Бургграф покосился на красавицу-дочь. Рдеющая королева турнира тоже, вон, смотрит на героя ристалища блестящими глазенками. Только слепой не заметит: роковая искра уже проскочила, оба влюблены друг в друга по уши. А что, славная получится пара! И со всех сторон выгодная партия.

Пожалуй, все же стоит совместить приятное с полезным: обсуждение кампании против маркграфа и обручение Герды с будущим кронпринцем. И еще большой вопрос, какое из этих двух дел окажется более полезным, а какое – более приятным.

Бургграф Рудольф Нидербургский умело спрятал улыбку в густой седеющей бороде.

Глава 3

... И снова гейнский пфальцграф Дипольд Славный в упоении, в предвкушении, в радостном, будоражащем кровь азарте, несется навстречу противнику.

Настоящий бой! Не то, что прошлая сшибка, когда никчемный поединщик, изнеженный граф Альберт (случайно ли столь красноречивое совпадение имен графа и немощного кайзера?) Клихштейн после первого же удара полетел на землю вслед за своим тарчем[2 - Небольшой щит, прикрывающий левое плечо и руку.]. Полетел, даже не задев копьём Дипольда и потешно дрыгнув ногами над седлом. Такую победу и за победу-то считать нельзя.

Зато сейчас...

Сейчас с противоположного конца ристалища на пфальцграфа мчался Генрих фон Швиц. Генрих-Медведь. С черной оскаленной медвежьей мордой на изогнутом щитке у левого плеча, с тем же черным медведем на нагрудной гербовой котте, с черными медведями на белой конской попоне. И сам – массивный, здоровый, как медведь. Медведь, обвешенный железом и взгромоздившийся на рослого боевого коня...

Опасный соперник. Достойный противник. Молодой барон уже стяжал славу непобедимого бойца во многих битвах и турнирных схватках, но ведь и непобедимый рыцарь рано или поздно бывает бит. И разве не настало время Генриху передать накопленную славу другому? Разве устоять неповоротливому медведю против стремительного натиска златокрылого грифона?

На карту поставлено многое! Если Дипольд одолеет сейчас, то выйдет в явные лидеры нидербургского турнира. Четвертая победа подряд – такого результата пока нет ни у кого.

Грохотали копыта, звенел металл, ходуном ходило коварное турнирное седло, лишенное высокого заднего упора. Резкие выдохи коня и гулкое дыхание всадника под тяжелым шлемом сливались воедино. Дипольд не видел ничего вокруг. Лишь приближающуюся массивную фигуру. Лишь разинутую медвежью пасть на щите. В эту самую пасть надлежало вогнать наконечник копья. Попасты бы! Не промахнуться! И уберечь от удара Медведя собственный тарч...

Это была новая, только-только входившая в моду турнирная забава – механический реннен[3 - Реннен – дословно: бега, скачки (нем.). Так называемый «механический реннен» – один из зрелищных и относительно безопасных видов турнирных схваток в период позднего средневековья. В реальной Германии, каковая к описываемому миру имеет, впрочем, весьма условное отношение, подобная разновидность поединков известна с пятнадцатого века.], в котором участникам ристалищных боев предоставлялась возможность без особого ущерба для здоровья продемонстрировать умение управлять конем и точность копейного удара. Здесь для победы достаточно было сбить щит с левого плеча противника.

Откровенно говоря, Дипольду непривычно мягкие правила нидербургского турнира пришлись не по вкусу: мало риска, мало крови, нет покалеченных и убитых. Но, с другой стороны, до чего же радостно видеть, как летит чужой реннтарч, вышибленный из зажимов и подброшенный вверх мощным пружинным механизмом! И потом, ведь при определенном мастерстве даже в механическом реннене можно не только сбить щит с кирасы, но и повергнуть наземь его обладателя. Как вышло с тем же Альбертом. Тогда получилось красиво. И презабавно к тому же.

Грохотали копыта, звенел металл... И Генрих-Медведь – вот он, уже совсем близко. Сидит в седле крепко, как влитой – вышибить такого будет ой, как

непросто. Скачет, пригнувшись, чтобы крепче держаться на коне. В полном комплекте доспеха-реннцойга[4 - Турнирные латы, изготовленные для поединка-реннена.] скачет.

На голове – шлем-салад с длинной узкой смотровой щелью, назатыльником и дополнительно накованной лицевой пластиной. Шлем надежно прикрывает всю верхнюю часть лица. Нижнюю челюсть и горло защищает подбородник, прикрепленный болтами к нагруднику-кирасе. Сама кираса – толстая, сплошная спереди, с облегчающими тяжесть доспеха глубокими вырезами сзади и по бокам, куда в честном ристалищном поединке никак не достать копьё противника.

Слева – заветный щиток-мишень с заметно выгнутым вперед нижним краем. Трехслойный (дерево, бычья кожа и металлические нашлепки) реннтарч крепится к нагруднику нехитрой конструкцией: штырь, мощная пружина, фиксирующие клинья, шайба, да пара рычажков, которые подкинут щит в воздух, если удар Дипольда достигнет цели. Если... Малого тарча-то почти и не видать за лошадиной шеей, а попасть в него нужно на полном скаку.

В правой руке Генриха – турнирное копьё. Удержать длинное и толстое древко на весу даже такому медведю не под силу, а потому оружие вложено в крюки на правом боку кирасы. Один крюк – спереди, снизу, другой – сзади, сверху: фокр и контр-фокр. Так – легче. Так – проще. И наводят такое копьё на цель не за необхватное ратовище[5 - Ратовище – древко копья или рогатины.], а за специально приспособленную для этого удобную рукоять.

Большая стальная чаша-щиток, также надетая на копьё, закрывает правую руку и плечо. Тоже – своеобразный тарч. Только этот щит слетать не должен. Этот – должен лишь защищать. А потому сидит на древке жестко, прочно.

Спереди к нагруднику-кирасе пристегнут надбрюшник – защита живота и паха. Кроме того, с передней луки седла по бокам коня свисают щитки-дильжи – выпуклые стальные наросты, похожие на гигантские древесные грибы. Ими от случайного удара укрыты бедра и ноги всадника. А вот привычной высокой задней спинки у седла нет. Для «механического реннена» не положено. Так что высидеть сильный точный удар сложно... Граф Альберт вот не смог.

О снаряжении противника Дипольд знал все, поскольку и сам был облачен в такой же реннцойг. Он тоже ощущал на плечах тяжесть толстой турнирной кирасы, смотрел через узкую щель усиленного салада, глухо дышал в стальной подбородник и прижимал ногами ремни округлых дильжей.

Правая рука Дипольда Славного, укрытая стальной чашей, лежала за выступающую рукоять и направляла в Медведя тяжелое копье, балансирующее в крючьях-упорах. Левая – спрятанная под защитный тарч-мишень – сжимала повод.

Да, латы и оружие у пфальцграфа были такие же, что и у барона. Только на щите, гербовой котте и конской попоне вместо белого и черного – темно-красные и золотистые цвета. А вместо скалящегося медведя – парящий грифон.

И еще была одна хитрость. Отчаянная, чреватая. Дипольд тоже скакал пригнувшись. Но лишь для видимости, не полностью, оставляя себе возможность в самый последний момент поднырнуть под копье противника.

Грохотали копыта, звенел металл...

Шпоры до упора входят в конские бока. Массивные копейные наконечники смотрят в маленькие изогнутые щитки.

Хрип коней, стук сердец под броней нагрудников.

Рыцари сближались, нацелив копья друг в друга.

Сближались.

Сближались...

Зрители, затаив дыхание, ждали.

Ждали.

Ждали...

И – сблизилась!

И – дождалась!

Для активных маневров и резких движений в турнирных доспехах возможности мало, но все же... если есть запас. У Дипольда – был. Небольшой. Совсем.

За миг до столкновения Дипольд, как и задумывал, чуть развернулся в седле. Чуть подался вперед. И – чуть вправо. И – вниз. Чуть-чуть, самую малость. Самую-самую. Уходя под наконечник чужого копья, наваливаясь на брюшником кирасы на переднюю луку, перегибаясь.

И вгоняя свое копьё. Туда, куда нужно было вогнать.

Да, рисковал! Да – очень! Если Медведь разгадает замысел, если успеет опустить копьё прежде, чем Дипольд укрепитя в новой посадке, в стременах, в седле без страхующей задней луки.

Если Генрих ударит первым... Вышибет ведь тогда. И лететь тогда пфальцграфу Дипольду Славному вверх ногами, подобно графу Альберту. Лететь вместе со своим небереженным тарчем под свист, насмешки и улюлюканье толпы. Лететь и видеть над головой собственные золотые шпоры. А если наконечник барона-Медведя, нацеленный в тарч, случайно угодит в подныривающий под удар шлем? Тогда – тоже хорошего мало. Копейный удар в голову на полном скаку, пусть даже в сравнительно безопасном механическом реннене, может стать причиной тяжелого увечья.

Однако Медведь не успел. Сильный, неустрашимый, но неуклюжий Медведь упустил момент.

Гром и треск! Будто бомбардный выстрел, отозвавшийся во всем теле.

И толстое копьё – как хрупкая сухая жердинка. В щепу...

Но только одно копьё – в щепу. Копьё пфальцграфа. Всаженное наконечником точно в центр медвежьего щита. Вбившее реннтарч в левое плечо, в грудь, в бок, в руку Генриха. Во все сразу – сокрушительным плоским ударом. На долю

секунды щит-мишень с черной звериной мордой подался назад, вырываясь из креплений-фиксаторов...

Копье барона ударило над плечом Дипольда в то самое место, где только что был тарч с грифоном. Был и исчез. Нырнул вниз. Наконечник лишь слегка чиркнул о ребристый подбородник пфальцграфа. Ушел в сторону. Между верхним краем тарча и назатыльником шлема.

Звякнув седельными щитками друг о друга, противники понеслись дальше. Но был еще один звук. Сухой металлический щелчок.

И сразу – многоголосый выдох зрителей. И летит, кувыряясь в воздухе, оскаленная медвежья морда. Выброшенная, выплунутая вверх пружинным механизмом турнирной кирасы. Тем самым механизмом, что безошибочно и неоспоримо указывает проигравшего.

Левая рука медвежьего барона – открытая, постыдно незащищенная, будто девица в нижнем белье, застигнутая пьяным охальником, судорожно цепляется за повод. Нет, пошатнувшийся, было, Генрих не упал и страшный удар пфальцграфа выдержал. Но победа-то все равно досталась другому!

Уже останавливая разгоряченного коня, Дипольд подумал, что новомодный механический реннен, пожалуй, не так уж и плох. В ином поединке, где пришлось бы биться на вышибание противника из седла, еще неизвестно, смог ли бы он одолеть медведеподобного фон Швица. А так... а так вон он, лежит в пыли сбитый и треснувший тарч, а Генрих понуро покидает ристалище. И уже трубят герольды, возвещая очередную победу Дипольда Славного.

Хоть и не удалось в этот раз повергнуть рыцаря-защитника наземь, Дипольд был доволен. Настолько, что решил не брать откупа с побежденного. Пусть миннезингеры прославляют не только боевое мастерство и отвагу гейнского пфальцграфа, но и его великодушие.

Дипольд бросил оруженосцам обломок копья и шлем, объехал, как положено, ристалище по кругу. Склонил голову перед королевой турнира.

Раскрасневшаяся Герда-Без-Изъяна смеялась и хлопала в ладоши. Совсем как малое дитя. Миленькая все же дочка растет у нидербургского бургграфа. А отец

давно намекает о женитьбе и наследниках. Да, собственно, почему бы и нет?

Впрочем, сначала...

- Ди-польд!

- Слав-ный!

- Гри-фон!

Дипольд окинул благосклонным взглядом ликующую толпу. Помахал рукой рукой в ответ. Мысли о женитьбе – прочь. Все – потом. А прямо сейчас и здесь он хочет в полной мере насладится славой победителя.

Это – правильно.

Это – справедливо.

Но...

Вдруг...

«Хр-р-р-у-у-ухр-р-р-у-у-у!»

Оглушительный хриплый рев. И – «у-у-у!» – долгое, протяжное, зловещее какое-то эхо плывет над ристалищем и окрестностями Нидербурга. Словно ожил, сошел со сбитого реннтарча и подал голос геральдический медведь Генриха фон Швица.

Проклятье! Дипольд скрипнул зубами. Ему помешали. Испортили блистательную торжественность момента.

Кто посмел?!

Почему?!

Глава 4

В этот раз точно трубили не герольды. Это не бодро, весело и звонко играла начищенная медь. Это был звук боевого рога. Гулкий, тяжелый.

«Хр-р-р-у-у-ухр-р-р-у-у-у!»

Любопытствующие оборачивались, тянули шеи.

«У-у-у!»

Видели.

Узнавали.

Ужасались.

– Чернокнижник! Маркграф-колдун! Змеиный граф! – взволновалась толпа простолюдинов.

– Альфред! Альфред Оберландский! – сдержано зашептались на крытых трибунах.

На ристалище больше никто не смотрел. И знать, и чернь смотрели на старую заросшую, давно неезженую дорогу, уходившую к хребтам и перевалам Верхней Марки. На синий штандарт с серебряной змеей, поднявшейся на кончике хвоста. На тот самый герб, которого не хватало в геральдическом ряду нидербургского турнира.

Рудольф нахмурился. Бургграф тоже не отводил глаз от старой дороги и приближающихся гостей. Незваных, неожиданных, не радующих.

Маркграф ехал, не таясь и совершенно безбоязненно. Слишком уж смело он ехал. По нидербургским землям, как по собственным. Еще издали предупреждая о своем появлении ревом боевого рога. Несвойственное, вообще-то, Альфреду

Чернокнижнику безрассудство!

Оберландского властителя сопровождали несколько десятков всадников и одна высокобортная повозка, крытая тяжелой не то просмоленной, не то промасленной рогожей. Правда, повозка эта была... Повозище, в общем, а не повозка! Огромная, трехосная, шестиколесная, сбитая из толстых крепких досок, укрепленная металлическими полосами и опутанная прочными цепями.

Странную телегу тянула шестиконная упряжка массивных толстоногих и густогривых тяжеловозов. Лошадьми управлял невысокий щуплый возница в темном запыленном балахоне и огромном капюшоне с прорезями для глаз, наброшенном на голову так, что и лица не разглядеть. Похож на палача, но кто его знает.

Высокие колеса с железными ободами крутились нехотя, с натугой и скрипом. Повозка была чем-то основательно нагружена. Чем? Что спрятано там, под грубой грязной тканью? Бомбарда? Стенобитная машина? При любых других обстоятельствах у Рудольфа и сомнения в этом не возникло бы. Но единственный воз и столь немногочисленный отряд...

Маловато вообще-то, чтобы штурмовать нидербургские стены или устраивать осаду. Даже чтобы с ходу пробиться мимо ристалищного поля к открытым воротам – недостаточно. Или главные силы и основной обоз маркграфа уже на подходе? Или они укрылись где-то поблизости?

Да нет же! Дорога и равнина, по которой она тянется, хорошо просматриваются, спрятаться на подступах к городу – негде. Вот разве что магия... Какое-нибудь заклинание, оберегающее оберландское войско от чужих взоров. Говорят же... Чернокнижник... И Лебиус Прагсбургский этот, скрывшийся в Верхних Землях... По слухам – весьма могущественный магиер.

Но вряд ли существует магия, способная при свете дня, без призванных колдовством тумана и мрака, укрыть целую армию. А если бы и существовала, почему ею не воспользовался Альфред? Почему сам змеиный граф едет вот так – впереди, неосторожно, не таясь, с жалкой горсткой всадников? Подставляясь.

Нет, магия – вряд ли. Да и что ею укрывать-то? Было бы у Властителя Верхней Марки достаточно сил – давно бы, небось, стер Нидербург с лица земли. А если

до сих пор Черно книжник не покушался на главную крепость бургграфства – значит, не хватает силенок-то. Не было их раньше и нынче взяться неоткуда. Захватить Нидербург – это не пограничные горные перевалы защищать, на что вполне годилась и невеликая маркграфская дружина. Так что – руки коротки. Так что тут что-то другое...

Что?

Что?!

Рог замолк. Улеглось эхо. Стих гомон в толпе. Над ристалищем повисла напряженная тишина. На затишье перед бурей похоже. В воздухе не ощущалось ни дуновения. Поникли и обвисли ристалищные стяги. Лошади и те – не всхрапывали и не ржали навстречу оберландской коннице.

Рудольф Нидербургский медленно поднялся с кресла. Вроде бы старый недруг-соседушка сам шел к нему в руки. И казался сейчас со своей немногочисленной свитой – беззащитнее некуда. И все же с Черно книжником этим следовало держать ухо востро. Даже сейчас, даже здесь, у себя дома. Особенно здесь и сейчас, когда сокровенные планы бургграфа относительно Верхней Марки и ее властителя уже частично раскрыты перед гостями турнира.

– Я вынужден временно прервать состязание, – произнес бургграф, лишь констатируя то, что уже произошло. Голос Рудольфа предательски дрогнул. Впрочем, устроителя ристалищных боев сейчас не особо и слушали. По мере приближения к турнирному полю маркграфской дружины зрителей у ристалища становилось все меньше.

Толпу простонародья будто рассеивало ветром. Эти странные порывы, не ощущаемые полотнищами штандартов, но остро чувствуемые людскими душами, полнившимися тревогой и нехорошими предчувствиями, поддували к главным воротам Нидербурга. Незримый ветер вырывал из общей массы одиночек и целые группки и гнал, гнал зрителей за городские стены. Все больше народу вырывал, все быстрее гнал.

Вслед за чернью под прикрытие Нидербургских стен поспешили, опрокидывая лавки, члены городского совета, которые занимали места возле трибун знати. Почтенные бюргеры быстро семенили расторопными ножками, путаясь в

длинных дорогих одеждах, придерживая кошелю и пухлые животики, часто оглядываясь назад. Никто из них даже не пытался теперь выглядеть достойно.

Начали спускаться с трибун и отходить к городу благородные дамы, решившие влруг, что наблюдать за дальнейшим развитием событий будет удобнее со стен и башен крепости. Бледная как снег Герда-без-Изъяна была одной из немногих, кто остался. И хотя бургграф знаками (приказать в открытую – означало бы продемонстрировать собственные страх и неуверенность) велел дочери удалиться, королева турнира продолжала неподвижно сидеть на месте. Смотрела Герда при этом не на отца, а на Дипольда Славного, все еще не покинувшего ристалища. В глазах девушки были мольба о помощи и надежда.

Пфальцграф же угрюмо взирал на оберландцев и думал о своем.

До чего же не вовремя все, а! Ну, до чего не вовремя!

Проклятый Чернокнижник явился в самую неподходящую минуту. Маркграф не дал Дипольду обрести заслуженную... почти заслуженную славу победителя нидербургского турнира.

Хотя с другой стороны... Если поразмыслить...

Лицо пфальцграфа прояснилось. По губам Дипольда Славного скользнула хищная улыбка.

Возможно, за неожиданный визит Альфреда Оберландского, наоборот, следует поблагодарить провидение. Возможно, сегодня достойнейшему из рыцарей суждено обрести еще большую славу. Ведь если дойдет до драки... А кончится, судя по всему, именно этим. И тут уж дело не ограничится сбитым тарчем. Едва ли нидербургский бургграф, вскользь, мимоходом высказывавший уже некоторые туманные намеки по поводу Альфреда, захочет упускать такой шанс.

Сказать по правде, от тех намеков Дипольда Славного где-то в душе малость корбило. Как ни крути, но рыцарский турнир – не самое подходящее место для тайных интриг. Для подобных переговоров можно было бы найти иное время и место, но все же... Все же теперь Рудольф Нидербургский приложит все силы, чтобы не дать Чернокнижнику вернуться в Верхние Земли.

Обратного пути неосторожному маркграфу, что бы его сюда ни привело, нет. Бегущие к городским стенам трусы просто еще не осознают этого. Трусы слишком напуганы рассказами о могуществе змеиного графа. Что ж, чем сильнее страх перед Чернокнижником, тем громче будет слава его победителя.

Главное, чтобы бургграф не поспешил и чтобы не вздумал убить Альфреда подло, исподтишка, покрыв позором не только себя, но и всех собравшихся на ристалище благородных рыцарей. Чернокнижника нужно одолеть в честном бою. И сделать это следует ему, Дипольду Славному. Дабы стать еще более славным.

Пока взоры публики были обращены на оберландский отряд, Дипольд подозвал оруженосцев. Принял шлем от одного и новое копье – от другого. По-хорошему, стоило бы еще сменить турнирные доспехи на боевые, но это – долго, слишком долго. Могут опередить. Вон, уже возвращается на ристалище и ставит своего коня возле жеребца пфальцграфа недавний соперник – Генрих-Медведь.

В правой руке фон Швица – тоже копье. В левой – щит. Не сбитый турнирный тарч, а обычный, боевой. Все с той же оскаленной медвежьей мордой. Оруженосцы у Генриха также оказались понятливыми и расторопными. Приободрившийся барон явно жаждал взять реванш за поражение в реннене и с лихвой восполнить утраченную славу. С обеих сторон ристалища подтягивались и прочие рыцари в турнирных латах. Желających побить ненавистного маркграфа сегодня будет много.

Глава 5

Отряд Чернокнижника ехал не спеша, не удаляясь от скрипучей повозки, и к тому времени, как Альфред, наконец, достиг турнирного поля, пара десятков знатнейших рыцарей Остланда уже выстроилась стеной перед изрядно опустевшими трибунами.

Около сотни слуг и оруженосцев ждали в стороне, готовые в любой момент поддержать своих господ. Кроме того, у ристалищной ограды замерли в напряженном ожидании несколько десятков городских стражников, ландскнехтов и стрелков-арбалетчиков. И это не считая личных телохранителей

бургграфа, прикрывавших градоначальника и его дочь. А ведь были еще и знатные нидербуржцы, не принимавшие участия в турнире. Каждый – со своей небольшой свитой, без доспехов, но, как и положено дворянам, – при оружии.

В общем, на ристалище и вокруг него хватало воинов, чтобы противостоять маркграфским конникам, если безумец-Альфред задумал недоброе. К тому же из города вот-вот должна была выступить подмога: на стенах Нидербурга тревожно трубили дозорные, призывая гарнизон к оружию. Праздных зевак с боевых площадок и переходов гнали взащей. Возле больших и малых бомбардных стволов, часто торчащих между каменными зубцами, поднялась суета и закурились дымки. Прислуга спешно заряжала пушки. Добротные, славившиеся по всей империи нидербургские орудия, ядра которых долетят и до ристалища, и дальше.

Первый страх и растерянность, порожденные скорее неожиданностью появления змеиноного графа, нежели реальной опасностью, прошли. Рудольф Нидербургский взял себя в руки. Что бы там ни было, но ему, как хозяину и устройтею турнира, надлежало сейчас хотя бы для порядка проявить учтивость по отношению к незваному, но все же благородному гостю. А заодно не лишним было бы выгадать время и дать возможность оставшемуся в крепости гарнизону, получше подготовиться к надлежащей встрече Альфреда.

Настроение бургграфа быстро улучшалось. Определенно, сегодня удача сама плыла в руки, и Рудольфу очень не хотелось ее спугнуть. Удача представала перед бургграфом в виде заклятого врага, неразумно явившегося под городские стены с непозволительно малыми силами. Невесть зачем явившегося и невесть на что надеявшегося.

Да, никакой ошибки! Закованный в латы всадник, возглавлявший оберландцев, вне всякого сомнения, являлся властителем Верхних Земель. Прежде Рудольф Нидербургский неоднократно встречался с маркграфом на ничейной пограничной полосе, где вел с Чернокнижником бессмысленные, бесполезные, никчемные совершенно переговоры. И теперь бургграф с первого взгляда узнал ненавистного соседушку. Благо, тот почти не изменился.

Альфред Оберландский был крепко сбитым широкоплечим мужчиной среднего роста и средних лет. Под поднятым забралом виднелось бледное лицо. Резкие черты, прямой нос, плотно сжатые губы. Темные круги под глазами свидетельствовали о долгих ночных бдениях, причем вряд ли проведенных в

душеспасительных молитвах. Однако бессонные ночи, похоже, не особенно вредили здоровью Альфреда Чернокнижника. В седле он держался уверенно, и тяжести доспехов, казалось, не ощущал вовсе.

А железа на змеином графе было навешано немало. Латы закрывали практически все тело властителя Верхней Марки. Боевые латы – не турнирные. Вытянутый яйцеобразный шлем с невысоким гребнем, подвижным, острым как клюв забралом и пышным султаном. Кираса с набрюшником и тассет[б - Тассета – железная «юбка», состоящая из подвижных сегментов, прикрывающих бедра и обеспечивающих рыцарю посадку в седле.], под которой виднелась кольчуга двойного плетения. Створчатые наручи и поножи. Налокотники, наколенники, металлические сапоги с золочеными колесиками шпор и латные рукавицы. Высокие крылья наплечников были выкованы в виде извивающихся змеиных тел. Оберландская серебряная змея вилась и по нагрудной гербовой коте синего цвета. Такой же, помеченный ползучим гадом синий щит – небольшой, крепкий, прямоугольный, вез за маркграфом оруженосец. На левом бедре Альфреда висел меч. Длинный, тяжелый рыцарский клинок, каким удобно и рубить, и колоть с седла. И конного противника, и пешего.

– Чем обязан честью видеть в своих владениях его светлость господина маркграфа? – на этот раз голос Рудольфа Нидербургского не выдавал ни малой толики волнения. Бургграф говорил спокойно, холодно и уверенно.

Прежде чем ответить, маркграф осмотрел ристалищное и околористалищное воинство. Окинул взглядом стены Нидербурга. Чуть заметно усмехнулся. Покосился на свою громадную повозку, отъехавшую в сторону – к восточному проходу-проезду на турнирное поле.

Заговорил, наконец.

– Рад приветствовать своего доброго соседа, мудрого и отважного управителя нидербургских земель, – Альфред чуть склонил голову.

Нелюдимый Чернокнижник тоже знал этикет. Чернокнижник ведал, как и с чего следует начинать разговор в благородном обществе. И все же каков нахал! «Доброго соседа»! У Рудольфа дернулось правое веко. Добрыми соседями Нидербург и Верхняя Марка не были никогда. Из уст маркграфа «доброго соседа» иначе как насмешку расценивать нельзя. Пока насмешку эту, правда,

трудно распознать в доброжелательном тоне Чернокнижника. Но это – пока...

Каменное лицо Альфреда не выражало ничего. Но в глазах – эвон, бесенята так и пляшут.

– Я прибыл сюда, – торжественно продолжал незванный гость, – поскольку мне посчастливилось случайно... совершенно случайно узнать о турнире, собравшем под стенами Нидербурга цвет остландского рыцарства...

Случайно? Узнать? Совершенно случайно...

Бургграф стрельнул глазами вокруг. Кто? Кто мог сообщить Альфреду о турнире?

– ...Видимо, по досадному недоразумению ваше, любезный бургграф, приглашение участвовать в столь славном и благородном собрании до меня не дошло. Лишь исходя из этих соображений, я позволил себе пересечь границу и, не теряя времени, явиться к ристалищу без предварительного уведомления. Думаю, вы не в обиде, ваша светлость?

О, в обиде! Еще в какой обиде! Рудольф Нидербургский скрипел зубами и кривил губы в обжигающе-ледяной улыбке. Змеиный граф тоже улыбался в ответ – с явной, нарочитой, выставляемой напоказ любезностью, за которой, впрочем, не было ничего, кроме смертельно опасного яда.

– Раз уж древнее правило позволяет любому странствующему рыцарю принять участие в турнирных схватках, – как бы между прочим, заметил Альфред после недолгой паузы, – то и своего соседа гнать с ристалища за несоблюдение необходимых формальностей вы, конечно же, не станете.

– Чего же вы хотите, господин маркграф? – нахмурился Рудольф.

Он все-таки не понимал замысла «доброего соседа» с коварной змеей на гербе и с немногочисленной свитой за спиной. И непонимание это смущало и настораживало бургграфа.

Чернокнижник изобразил на лице наивно-удивленное выражение:

– Чтобы Верхняя Марка была достойно представлена в Нидербургском турнире, разумеется.

– Это... – бургграф вновь растерялся и от растерянности совсем уж ни к стати начал запинаться, – это...

Это все?!

Такого оборота он не ожидал. Ну никак! Неужели громадная повозка Альфреда Оберландского, в самом деле, забита турнирным снаряжением на все случаи жизни? Неужели появление маркграфа-затворника в нидербургских землях, действительно, вызвано лишь безобидным желанием поразвлечься и преломить копье на ристалище? Или не такое уж оно безобидное, это желание? Или за ним стоит нечто большее?

– Это... – Рудольф Нидербургский не знал, что и сказать.

– Считайте, что это дело чести, любезный сосед.

Очень интересно! Выходит, Чернокнижник тоже имеет какие-то представление о чести... Что ж, тем хуже для него. Бургграф еще раз обвел взглядом выстроившихся на ристалище остландских рыцарей и сгрудившихся у трибун нидербургских солдат, немногочисленную свиту Альфреда, странную оберландскую повозку, остановившуюся у дальнего въезда на турнирное поле...

Возница в мешковатой одежде и скрывающем лицо капюшоне слез с козел и подозрительно копошился у левого борта. Поправлял полог? Или что-то доставал тайком из закрытого воза?

Рудольф оглянулся на крепость. Вздохнул с облегчением: из ворот, разгоня толпившуюся у подъемного моста чернь, уже выезжала конница. Гарнизонная сотня рейтар, в любое время готовая к походу, к бою и вылазке. Правильно выезжала: сразу за рвом свернула вправо и влево, стремясь по широкой дуге зайти в тыл, окружить ристалище и отряд маркграфа.

Альфред демонстративно не замечал опасности. Ну, и дурак!

– Так значит, вы намереваетесь принять участие в наших поединках, ваша светлость? – хищно протянул Рудольф.

Маркграф вновь улыбнулся. Ответил коротко и странно:

– И да, и нет, мой дорогой бургграф.

Два конных отряда городской стражи – по полсотне всадников в каждом – гнали галопом. Не таясь уже и не скрывая своих намерений, они смыкали клещи. И вот...

Вот и все! Клещи сомкнулись. Попалась пташка!

Но почему все же Чернокнижник и его воины не хватаются за оружие, почему ведут себя так, словно не происходит ничего непредвиденного. А может, в самом деле, – ничего непредвиденного? Может, проклятый змеиный граф заранее все просчитал и... И что?

Все, хватит загадок и скрытых издевок! Долг вежливости отдан. Пришла пора говорить с врагом более подобающим случаю языком. Взгляд бургграфа посуровел, доселе негромкий голос обрел силу и зазвенел сталью:

– Я должен признаться вам, маркграф. Приглашение на турнир в ваши владения мною послано не было.

Альфред вздохнул, и, будто актеришка в дурной пьесе заезжего балагана, печально закатил глаза под самое забрало.

– Честно сказать, где-то в глубине души меня мучил червь сомнения. Да и мои верные вассалы, – не оборачиваясь, оберландец махнул рукой назад, на своих всадников, – предостерегали меня.

Тяжкий, но едва ли искренний вздох...

– Однако я, по наивности своей, не хотел верить в подобную... подобную..., – дерзкий гость укоризненно покачал головой, – в подобную низость, господин бургграф.

Проклятый паяц! Рудольф Нидербургский сжал кулаки.

На ристалище дрогнула неровная шеренга возмущенных рыцарей-поединщиков. Но впереди прочих, конечно же, оказался Дипольд Славный. Самый шустрый, самый горячий, самый удачливый в сегодняшних боях, он бросил коня чуть не на ристалищную ограду.

Глава 6

– Мерзавец! – глухо пророкотал гейнский пфальцграф из-под подбородника и турнирного шлема. – Как смеешь ты, явившийся сюда без приглашения, оскорблять достойного хозяина и устроителя благородного состязания! Я, Дипольд Гейнский, прозванный Славным, вызываю тебя, маркграф Оберландмарки Альфред по прозвищу Чернокнижник, и любого из твоих рыцарей-защитников! Немедленно! Бой до смерти! Пешим или конным! Любым оружием! На любых условиях!

Дело сделано. Вызов брошен. По всем правилам, по всей форме, при свидетелях. Дипольд успел сделать это первым.

Альфред, однако, даже не повернул головы к вспыльчивому юноше и – неслыханное дело! – не ответил на вызов. Как ни в чем не бывало, словно ничего не произошло, маркграф продолжал, обращаясь к Рудольфу:

– Как-то совсем уж не по-соседски получается, ваша бургграфская светлость, вы не находите?

И дальше – сразу, не дожидаясь ответа, не интересуясь реакцией собеседника:

– А позволено ли мне будет узнать, отчего там, где собираются лучшие остландские рыцари, не нашлось места представителю Верхней Марки?

Рудольф Нидербургский нахмурился. Удивительный все-таки получается разговор. Вроде как приходится оправдываться перед негодяем. Что ж, ладно,

можно и объяснить, раз маркграф столь непонятлив.

– Кодекс рыцарских турниров, – жестко отчеканил бургграф, – гласит, что за преступление перед верой должна следовать кара. И благородным рыцарям, добрым сынам матери нашей церкви, надлежит изгонять преступника из своего общества. Изгонять не только словом, но и если потребуется – оружием. Изгонять или изничтожать, как богопротивного еретика.

– Ах, вот оно что! – теперь маркграф изобразил на физиономии радостное просветление. – А я-то думал, неразумный! Я-то гадал!

Невероятно! Обреченный, обложенный со всех сторон, маркграф откровенно потешался над ними всеми! Хотя ничего смешного в словах бургграфа не было. Он лишь озвучил неписанные, но известные всякому благородному рыцарю правила.

– Так вот, значит, в чем меня подозревают? – Альфред Оберландский продолжал нагло скалиться в лицо бургграфу. – Преступление против веры, значит...

– Это не подозрение, маркграф! Это обвинение! – Рудольф терял терпение. – Вы враг истинной веры и Господа нашего! Всею Остланду известно, что вы пытались практиковаться в запрещенных черных искусствах, а ныне укрываете в своих землях... всяких... прочих...

Бургграфа душил гнев. Альфред же...

– Укрываю?! Кого?! – ну прямо, не Чернокнижник, а сама невинность, сама оскорбленная добродетель! – У вас есть доказательства, дорогой мой бургграф?

Неопровержимых доказательств у Рудольфа не было. Зато в его руках находился сейчас сам змеиный граф. А в подобных обстоятельствах явных улик и не требуется. В подобных обстоятельствах вполне достаточно улик косвенных.

– Лебиус Марагалиус – черный магиер, некромант, алхимик и механикус, сотворивший из глины голема-разрушителя и бежавший из Прагсбурга, – громко, чтобы слышали все, напомнил Рудольф. – Он скрылся в землях Верхней Марки. Благородный барон Леопольд фон Нахтстлих, преследовавший магиера в ваших

владениях, исчез без следа.

– Надо же! Какая жалость! Но с чего вы взяли, что я вообще причастен к этой истории? По-моему, упомянутый вами инцидент был исчерпан еще...

– Ошибаетесь, маркграф! В этой истории не поставлена точка.

– В самом деле? – насмешливая ухмылка не сходила с уст Альфреда Оберландского. – И кто же ее поставит, позвольте узнать? Вы? Вы настолько всеведущи и могущественны, ваша светлость?

Да что он о себе возомнил, этот Чернокнижник! Разгневанный Рудольф направил в ненавистного соседа дрожащий палец – будто и не палец то вовсе, а готовый выплюнуть смертельную порцию огня и свинца ствол ручной бомбарды.

– Вы укрываете Лебиуса и вы же погубили доблестного Леопольда! – обличающий голос бургграфа рокотал над ристалищем. – Это хорошо известно и вам, и мне, и всем присутствующим здесь. Вот причина, по которой вы не были приглашены на турнир! И вы совершили большую ошибку, заявившись сюда по своей воле, господин маркграф!

– А может быть, меня не хотели видеть здесь по иной причине? – проклятый Чернокнижник по-прежнему не выказывал ни малейшего волнения, голос его звучал ровно и спокойно. – А именно – по причине заговора против Верхней Марки, который вы, бургграф, скрываете под видом благородного состязания?

Слово «благородного» Альфред произнес, скривив тонкие губы. Будто кислую ягоду разжевал.

Рудольф побледнел. Рыцари на ристалище вновь взволнованно зашевелились. Однако на этот раз никто не посмел бросить наглецу вызов. За правду на ристалищный поединок не вызывают. Но вот откуда она, правда эта, известна маркграфу?! Бургграф снова начинал нервничать. Все ведь проходило втайне. Благородные гости, съехавшиеся в Нидербург, узнали – и то, лишь в самых общих чертах – о его планах относительно Верхней Марки незадолго до ристалищных боев.

Ничем, кроме магии, такую сверхъестественную осведомленность не объяснить. Но какого рода должна быть магия, чтобы... Или все же не магия?

Рудольф покосился на ломанный строй остландских рыцарей. Предательство? Бред! Никому из гостей турнира не выгодно извещать Чернокнижника о намечающемся заговоре. Никого из присутствующих нельзя отнести даже к потенциальным союзникам Альфреда. Но вот излишняя болтливость и бахвальство... Пожалуй, это возможно. Кто-то из благородных рыцарей не прикусил вовремя язык. Какой-то ушастый оруженосец подслушал и проболтался смазливой служанке. Та – подруге. И в итоге слушок вполне мог докатиться до какого-нибудь маркграфского шпиона. Но тогда и вовсе не понятно, зачем Чернокнижник явился на турнир собственной персоной. Зачем ТАК рискует головой? На что надеется?

Пока ясно было одно: оберландец знает о сокровенных замыслах Рудольфа. И теперь маркграфа точно нельзя отпускать. Живым – ни в коем случае. Рудольф вытер со лба противный липкий пот. Отпустишь такого живым – сам скоро станешь мертвым. Рано или поздно, но змеиный граф отыщет возможность для упреждающего удара.

– Отчего же вы молчите, любезный сосед? Почему молчат ваши благородные, – Альфред опять намеренно выделил это слово – гости?

Ах, вот оно что! Рудольф Нидербургский скрежетнул зубами. Кажется, он все же раскусил хитрость противника. Рискованный, отчаянный, дерзкий, но не лишенный здравого смысла и знания человеческой природы шаг! Проклятый маркграф бил устроителя рыцарского турнира и организатора тайной коалиции его же собственным оружием. Ведь, в самом деле...

Явиться с небольшой охранной на турнир и напомнить, что смешивать древнюю традицию единоборств – когда один на один, и сокрытую интригу – когда все против одного, не позволительно. Явиться и при свидетелях задеть, разбудить струны благородства, почти уже успокоенные и убаюканные предварительными речами бургграфа. Явиться и дерзким словом, и всем своим вызывающим видом сказать: вот он я, берите, бейте, убивайте, если после этого запятнанная честь позволит вам спокойно жить дальше. Явиться и бросить в лицо неотразимую перчатку упрека и в лицо же усмехнуться – усмешкой правого. И здесь же, на месте добиться...

Своего.

Что может быть умнее в действиях слабого, играющего страстями сильного?

Нет, Альфред вовсе не глупец. Отправляясь в опасный путь, он знал, на что шел. И прекрасно все рассчитал. Чернокнижник хотел, чтобы пресловутое благородство остландского рыцарства выиграло в полной мере. В наиполнейшей. И в нужный момент. В нужный змеиному графу. Хотел, чтобы гости Нидербурга по доброй воле, на глазах друг у друга, открестились от дурно пахнущего турнирного заговора. Хотел внести в ряды пристыженных интриганов-неудачников раскол и смуту, которые долго еще не улягутся и не позволят остландцам выступить против Верхней Марки единой силой. Хотел возбудить неприязнь к инициатору постыдных заговорщических деяний. К нему, к бургграфу Рудольфу Нидербургскому!

Нельзя! Ох, нельзя было давать слова хитрому мерзавцу со змеей на гербе. Но теперь-то поздно. Теперь – именно теперь – все должно быть по чести. Теперь бургграф вынуждал сделать дело (убить, раздавить, растоптать Альфреда!) чистыми руками. Или отпустить негодяя. Иначе будет хуже.

Момент был критический. И...

– Неужели прославленным рыцарям, собравшимся на турнир, чтобы тайком плести подлых интриги, боязно выступить против Оберланда в открытую? – спросил раззадорившийся Альфред.

...И сам же испортил все достигнутое ранее. Одним неосторожным словом испортил. Переиграл маркграф! Перегнул палку! Дал маху! Сказал «боязно». То бишь страшно...

Глава 7

– Я, Дипольд Гейнский, прозванный Славным, – во второй раз опережая прочих, взревел из-под шлема сын остландского курфюрста, – ... вызываю!

Дипольда аж трясло от гнева. Турнир – турниром, заговор – заговором, а неприятная правда – неприятной правдой. Но обвинение в трусости – это уже совсем другое. И это перевешивает все остальное.

– Вы-зы-ва-ю!

Ристалище молча внимало.

– Тебя, маркграф Оберландмарки Альфред по прозвищу Чернокнижник, и твоих рыцарей. Любые условия. Любое оружие. Но – до конца, до смерти, – Дипольд почти слово в слово повторял свой предыдущий вызов. И никак не мог остановиться.

Он твердо решил: если Чернокнижник снова промолчит и проигнорирует зачинщика, если и на этот раз не ответит, придется просто атаковать маркграфа. И пусть защищается, если сумеет.

– Вызываю! Ты слышишь, вызываю! Вы-зы...

– Да слышу я, слышу! – недовольно поморщившись, оборвал его Альфред. – Прекрасно все слышу, мой нетерпеливый молодой друг. И первый вызов я слышал, и второй – тоже. Считай, что оба они приняты.

Спохватились остальные рыцари. Уступать славу одному лишь курфюрстову сыну не хотел никто. Бургграф окончательно утратил контроль над ситуацией. Впрочем, развитие событий вполне устраивало Рудольфа Нидербургского.

– Я, Генрих фон Швиц, прозванный Медведем, присоединяюсь к словам благородного Дипольда и тоже бросаю вызов...

– И я!

– И я!

– И я тоже.

– Вызываю!

– Тебя и твоих рыцарей!

– На любых условиях!

– На любом оружии!

– До смерти!

– До смерти!

– До смерти!

На ристалище вновь звучали имена, прозвища и титулы зачинщиков – известные, грозные, прославленные. Поквитаться с маркграфом, посмевающим упрекнуть остландских рыцарей в малодушии жаждали все. Даже вовсе уж никудышный боец граф Альберт.

И звучала, повторяемая раз за разом, слово за словом древняя формула вызова на поединок.

Гудели приглушенные шлемами голоса. Альфред Чернокнижник слушал. Ухмылялся. Кивал. Согласно, удовлетворенно. И молчал. Молчал до тех пор, покуда голоса не стихли.

– Кажется, я пользуюсь на этом ристалище бешеной популярностью, ваша светлость! – насмешливо обратился маркграф к Рудольфу Нидербургскому. – Вам все-таки стоило пригласить меня на турнир с самого начала, дорогой сосед.

Бургграф промолчал. Прозвучавшая реплика не требовала ответа.

– Господа! – вскинув руку в латной перчатке, Альфред повернулся к остландским рыцарям. – Я всех вас внимательно выслушал. И отвечу так: вы изволили вызвать меня и моих рыцарей, предоставив мне же право выбора оружия и условий боя. Так вот мои условия...

Остландцы ждали. Внимали. Принимали. Любые условия.

– Я выставляю на ристалище лучшего...

Странная пауза в словах оберландца, странный взгляд...

– ... лучшего рыцаря из числа прибывших со мной. Надеюсь, он достойно защитит честь своего сюзерена и Верхней Марки.

Теоретически, по всем писанным и неписанным правилам Альфред Оберландский, как благородный владетельный сеньор, действительно, имел право без объяснения причин выставить на поединок вместо себя бойца-вассала. В этом маркграфа упрекнуть было нельзя. Сделать это позволяла традиционная формулировка вызова. «Тебя и твоих рыцарей!» Вот только...

Только редко кто из вызываемых пользовался такой привилегией. Разве что старые, больные и немощные. В любом другом случае в среде остландских дворян делом чести считалось собственноручно покарать обидчика и зачинщика. Если, конечно, тот тоже принадлежал к благородному сословию. А простолудинов сейчас на нидербургском ристалище не было. Так что замена, о которой объявил Чернокнижник, целиком и полностью лежала на совести маркграфа.

Гул разочарования и возмущения пронесся над ристалищем. Дипольд аж скрежетнул зубами с досады. Было похоже на то, что подлый змеиный граф уваливает от честной драки. Однако Альфред Оберландский заговорил снова:

– Не стоит так волноваться, господа. Если мой... – снова эта странная пауза и отчего-то снова кривится в непонятной ухмылке тонкогубый рот маркграфа, – ...мой рыцарь проиграет бой – тогда сражаться буду я сам. Бежать от боя не стану. Да мне ведь и не позволят убежать, не так ли?

Альфред мотнул головой, вернее, чуть шевельнул шлемом. Только сейчас маркграф дал понять, что прекрасно видит нидербургских всадников, окруживших его невеликий отряд.

– Но если... – голос оберландца стал громче, звонче, а его бронированная перчатка с хрустом сомкнулась в кулак, – если представитель Верхней Марки выйдет победителем, в этом случае я уеду беспрепятственно и возьму с собой

то, что посчитаю нужным.

– Что? – нахмурился нидербургский бургграф.

– Мне нужны надежные гарантии, которые обеспечат безопасность Верхней Марки и уберегут меня от новых заговоров благородных соседей.

Ответ прозвучал уклончиво и непонятно. О каких таких гарантиях говорит Черно книжник? Но Альфред лишь улыбался, не желая вносить ясность. А рыцари на ристалище ярились и требовали боя. Все они, не считая, разве что, изнеженного графа Альберта, – прославленные бойцы, доблестные и умелые. А оберландцы, что выстроились позади своего маркграфа, – кто их знает? Кто видел их в сражении?

Рудольф Нидербургский удовлетворенно хмыкнул. Что ж, рискнуть можно. Можно даже дать слово и пообещать Альфреда эти самые пресловутые «гарантии». Если же случится чудо и поединщик змеиного графа вдруг возьмет верх... Тогда слово, данное Черно книжнику, придется нарушить. Вон в сторонке ждет команды десятков арбалетчиков с заряженными самострелами. А бургграф не был столь щепетилен в вопросах рыцарской чести, как его гости. Тем более, что на кону сейчас стоит слишком много. Почти беззащитный враг стоит перед ним. Заклятый враг, который должен... непременно должен умереть сегодня!

– Так вы согласны с моими условиями, бургграф? – поторопил Альфред, обращаясь к хозяину турнира. Затем глянул на ристалище: – Согласны ли присутствующие здесь благородные рыцари Остланда?

Благородные рыцари Остланда сейчас были согласны на все. Рудольф же...

Бургграф оскалился, прозревая. А ведь к помощи стрелков ему прибегать вовсе не обязательно. Есть иной, не менее верный, нежели пущенный с короткой дистанции арбалетный болт, способ решения проблемы. Да, можно! Можно... И с Альфредом расправиться можно, и приличия соблюсти. И своей чести не запятнать.

Речь-то идет об одном защитнике Альфреда – всего лишь об одном, а жаждущих проучить оберландцев – эвон сколько. И с какой, спрашивается, стати Рудольф должен отказывать своим благородным гостям? Пусть все желающие получат

сегодня сатисфакцию. Все, кто успеет.

Поединщик маркграфа будет повержен. Не в первой схватке, так во второй. Не во второй, так в третьей, не в третьей, так... ну невозможно человеку, каким бы знатным бойцом он ни уродился, драться без передыху против двух десятков опытных противников. А уж Рудольф Нидербургский постарается, чтобы передышек между боями не было вообще. Так что рано или поздно боец Чернокнижника падет в грязь ристалища. А следом падет и сам змеиный граф. И все будет правильно и все – честно.

Бургграф был согласен. Он принимал условия Чернокнижника.

– Как имя вашего защитника, маркграф, – облизнув пересохшие губы, спросил Рудольф Нидербургский. – Каков его герб?

– Пусть его имя и герб останутся тайной, – загадочно улыбнулся Альфред. – В конце концов, он бьется за меня, а не преумножает свою личную славу.

Что ж, это тоже не противоречило турнирным правилам Остланда.

– Но благородного ли он происхождения?

Этот вопрос следовало прояснить сразу: боец из низшего сословия вовсе не имел права выходить на ристалище.

– О да, за это я ручаюсь, – с той же непонятной улыбкой ответил маркграф. – Благородная кровь в нем имеется. Слово дворянина. Надеюсь, вы верите слову маркграфа Оберландского, ваша светлость?

Оснований не верить не было. Правда, потому лишь, что, насколько знал бургграф, никогда и никому еще Чернокнижник не давал своего слова. Никому из тех, по крайней мере, кто сейчас был жив и свободен. О судьбе прочих можно только догадываться. Но на любом турнире слово дворянина – непререкаемо. Даже такого дворянина, как Альфред Оберландский.

Глава 8

Повисшую было паузу нарушил Дипольд Гейнский. Пфальцграф не преминул напомнить – громко, во всеуслышание:

– Первым маркграфа и его людей вызвал я!

Остландские рыцари неприязненно покосились на соперника.

– Значит, и первый бой – мой, – не глядя в их сторону, задиристо выкрикнул сын остландского курфюрста.

О поединке он говорил уже как о деле решенном. Впрочем, по большому счету, так ведь дело и обстояло.

– Если я одолею защитника Альфреда Оберландского, то и с маркграфом тоже первым драться мне. И лишь в том случае, если я погибну...

– Это несправедливо! – поспешил вмешаться Генрих-Медведь. – Если зачинщиков несколько, очередность поединков должна определять вызываемая сторона!

Остландские рыцари заволновались, зашумели.

– В самом деле, – Рудольф Нидербургский на правах хозяина обратился к ненавистному соседу. – Не мешало бы определиться, господин маркграф, с кем именно будет биться ваш рыцарь сначала, с кем – потом. Или уж извольте выставить против каждого зачинщика по одному благородному защитнику.

Что, конечно же было не-воз-мож-но. Теперь уже Рудольф глумливо улыбался в лицо собеседнику. Двух десятков опоясанных златошпорых рыцарей в дружине маркграфа никак не наберется. Невооруженным глазом видно – из всей сотни едва ли двое-трое смогут претендовать на высокое рыцарское звание. Остальные – обычные солдафоны. Сброд, кнехты, посаженные в седла. Отребье и головорезы из простонародья.

Альфред, однако, ничуть не смутился.

– Мой ответчик будет драться один, – неожиданно заявил маркграф. – Против всех. Сразу.

– Что?! – выдохнул Рудольф.

– Что?! – глухо пророкотал из-под шлема Дипольд.

– Что?! – оцепенели прочие рыцари.

Змеиный граф продолжал изумлять своей непредсказуемостью.

– Один, – спокойно повторил Чернокнижник. – Против всех. И сразу.

И вновь первым вознегодовал Дипольд Славный:

– Альфред Оберландский! Ты хочешь, чтобы лучших остландских рыцарей упрекали в недостойной победе? Хочешь, чтобы мы попросту смяли числом и затоптали на ристалище единственного противника и тем самым покрыли себя бесчестьем?

Крылья маркграфских наплечников, украшенные извивающимися змеями, чуть шевельнулись:

– Вы сами дали мне право ставить условия поединка... битвы.

Дипольд выругался. К месту сказанное уточнение: когда два десятка на одного – это уже не поединок. Впрочем, и не битва тоже. Это – избиение. И где же тут слава? Не слава тут – позор. Сплошной по-зор! Позор-р-рище!

Нидербургский бургграф тоже был озадачен не на шутку. Один защитник против нескольких зачинщиков сразу... В обычном сражении, когда бьются ландскнехты-наемники, не ведающие законов рыцарской чести, или в какой-нибудь пьяной драке черни такое встречается сплошь и рядом, но чтобы на ристалище, в рыцарском турнире... Неслыханно! Что за комедию ломает перед ними маркграф?!

Или это еще одна хитрость: выставить изначально неприемлемые для благородных противников условия боя и, услышав отказ, гордо удалиться? Попытаться удалиться, по крайней мере. Но каков риск! Если разгоряченные, обезумевшие от гнева остландские рыцари все же примут условия...

Никто из них от боя ведь пока не отказывался.

Да, если примут... Тогда все сложится еще более замечательным образом, чем мог представить Рудольф. Но уж очень гладко тогда это самое «все» выйдет. Подозрительно гладко. А Чернокнижник не из тех людей, с которыми выходит именно так.

– Так нельзя! – выкрикнул Генрих-Медведь. – Так не принято! На благородном состязании должно соблюдаться равенство сил. Маркграф, вы нарушаете правила рыцарского поединка. Вы посягаете на самую суть ристалищных схваток!

– Отнюдь, – возразил Альфред. – Я всего лишь изменяю их. А изменения правил допустимы. Раньше, к примеру, никто ничего не слышал о реннене. Теперь же скачки с копьем и реннтарчем – распространенная забава. Что же до равенства сил в предстоящей схватке, то, смею заверить, господа, моему хм-м-м... рыцарю вполне по силам управится со всеми вами сразу.

Нет, это уже было слишком! Кто-кто, но Дипольд Славный долго слушать оскорбительные речи не привык. Пфальцграф бросил коня на ограждения. Жерди и доски с треском повалились под копытами и грудью рослого жеребца. Конь Альфреда, стоявший за оградой, испуганно прынул ушами, однако сам Чернокнижник и бровью не повел.

– Я буду первым, кто сразит твоего защитника, маркграф, – негромко пообещал Дипольд. – Я очень постараюсь сделать это прежде, чем в бой вступят другие. И когда он падет, тебе тоже придется иметь дело со мной. Сначала – со мной. А никакого «потом» для тебя уже не будет.

– Принято! – Альфред расплылся в довольной улыбке и посмотрел на трибуны: – Бургграф, турнир продолжается! Распоряжайтесь, любезный сосед!

И поделаться с этим уже ничего было нельзя. С чувством нереальности происходящего, с неприятным ощущением, что он выполняет не свой замысел, а чужую волю, Рудольф дал знак герольдам. Трубный звук – настороженный и неуверенный – пронесся над ристалищем, вокруг которого почти не осталось зрителей. И тут же захлебнулся. Оборвался.

Остландские рыцари смотрели хмуро, но больше не возмущались и не возражали. И не покидали турнирного поля. Никто не покидал. Ни один. Ненависть к Чернокнижнику и оскорбленное самолюбие были сейчас сильнее благородных позывов.

– Какой вид турнирных схваток выбирает вызываемая сторона? – растерянно проговорил бургграф заученную фразу. – Конный или пеший бой? На мечах или булавах? Копейный гештех?[7 - Гештех – одна из разновидностей средневековых турниров.] Механический реннен?

Хотя...

Рудольф Нидербургский осекся. Упомянутый им механический реннен не подразумевал и не предполагал смертельного исхода. А речь ведь сейчас шла именно о смертном бое.

– Механический, – опять ухмыльнулся каким-то своим неведомым мыслям маркграф. – Именно механический, дорогой бургграф. Но только не реннен. Сбиванием щитов сегодня мы ограничиваться не станем.

Что значит – механический, но не реннен? Рудольф Нидербургский свел брови:

– Я не понимаю вас, маркграф...

– И не нужно, – оскалился проклятый оберландец. – Мой рыцарь выйдет пешим. С оружием, которое сейчас при нем. С чем выступят ваши зачинщики... – Чернокнижник окинул пренебрежительным взглядом остландских рыцарей, – мне не важно. Впрочем, чтобы поскорее покончить с этим делом, пусть благородные рыцари Остланда остаются как есть. В своих доспехах и со своими копьями.

Нет, это вообще уже не лезло ни в какие ворота! Пеший боец против целого отряда тяжеловооруженных всадников. Маркграф, определенно, тронулся рассудком. Впрочем, если это и беда, то в первую очередь – его собственная.

– Итак, приступим! – Альфред Чернокнижник с лязгом опустил забрало, давая понять, что необходимые условия оговорены, и время пустопорожней болтовни закончилось.

Но все же не рановато ли отгородился незванный гость своей стальной маской?

– Где ваш рыцарь, маркграф? – спохватился Рудольф Нидербургский. – Где защитник?

И сам бургграф, и его благородные гости, и нидербургская стража смотрели на дружинников маркграфа, пытаясь угадать, кто же из них станет тем безумцем, которому надлежит в одиночку, пешим выступить против двадцати конных остландских рыцарей. Однако в свите Альфреда не было движения. Ни один чужак не торопился покинуть седло и ступить на истоптанную ристалищную землю.

О странной шестиколесной повозке Чернокнижника остландцы как-то позабыли. А между тем...

– Мой рыцарь? – хмыкнул маркграф. – Защитник? Он там!

...между тем именно на повозку указала закованная в сталь рука Альфреда Оберландского.

Глава 9

...С седла все было видно прекрасно. И Дипольд Гейнский по прозвищу Славный находился сейчас ближе прочих к огромной повозке. И смотрел, не в силах вымолвить ни слова.

Тяжелый промасленный полог уже сдернут и валяется в грязи. Обращенный к ристалищу, высокий левый борт из толстых струганных досок – опущен. Цепи, доселе опутывавшие повозку, разомкнуты и свисают до земли.

Странный возница в палаческом капюшоне стоит впереди, удерживая коней, и вроде бы что-то бормочет под нос. Впряженные в повозку невозмутимые до сих пор тяжеловозы отчего-то утрачивают спокойствие. Волнуются, хрипят, прядают ушами, норовят обернуться, косят назад испуганными глазами.

А сзади, в повозке...

Нет, там лежала не бомбарда с огненным припасом и ядрами. И не хитрая осадная техника. И даже не турнирное снаряжение. Хотя грудa металла, открывшаяся взорам остландцев, вовсе не была бесформенной. Знакомые очертания выдавали...

Доспех?

В самом деле! Доспех!

Только вот размеры...

Огромные!

...и вес...

Чудовищный!

Гигантский, просто великанский доспех!

Обычному человеку не под силу не то что биться в подобной броне... да просто облачиться в нее будет невмoгуту – даже с помощью десятка оруженосцев. А если и умудришься надеть такое, то для того лишь, чтобы быть раздавленным насмерть и погребенным под неподъемными латами как под могильной плитой.

И все же это были именно латы. Аккуратно уложенный, стянутый воедино, будто уже надетый на кого-то, очень странный, очень большой и очень тяжелый

доспех это был.

Латы, судя по всему, – не боевые и не турнирные. Впрочем, с уверенностью сказать нельзя. Прежде ничего подобного Дипольду видеть не доводилось. Сплошная сталь... Прочные и необычайно толстые пластины, – крупные и малые, выгнутые и вогнутые, тщательно подогнанные друг к другу – наслаивались вплотную и надежно закрывали то, что внутри. Снаружи сталь покрывал какой-то темный, с синеватым отливом, почти черный, слой. Краска? Размазанная смола? Волокна ткани? Тончайшей выделки кожа? Кто знает. Скорее всего – защита от влаги.

И – нигде не видать ни ремней креплений, ни застежек, ни защелок, ни фиксаторов, ни крюков, ни штифтов. Если все это и было, то тоже – надежно упрятано внутри. Снаружи же на толстой броне выступали лишь частые пупырышки заклепок, да утопленные в специальных гнездах крупные головки массивных болтов свидетельствовали о том, что теоретически эту бронированную скорлупу можно разомкнуть.

Непривычно топорщились шипами – большими, устрашающими, но посаженными с умом, так, чтобы не мешали в бою и не сковывали движений на марше – латные перчатки, наручи, налокотники, наколенники и наплечники. Все подвижные сочленения и сегменты прикрывала кольчужная сетка, выбивавшаяся не снизу, изнутри, а почему-то крепившаяся снаружи. Огромный массивный нагрудник создавал впечатление подлинной несокрушимости. Такую защиту не возьмет, пожалуй, ни меч, ни копье, ни секира, ни шестопер, ни арбалетный болт. Да и шлем тоже... Дипольд прикинул возможную толщину стенок. Ох, нелегко будет разрубить, пробить или смять эту броню.

Горшкообразный, глухой, без забрала, лишь с узкой смотровой щелью, намертво прикрученный к кирасе, шлем чем-то напоминал простые и надежные ведрообразные топхельмы прошлых веков. Имелись, правда, и некоторые отличия. Закругленная верхушка, с которой при ударе соскользнет клинок. Невысокий, но широкий гребень, являющий собой дополнительную защиту. Небольшой, выступающий над прорезью для глаз, козырек. А над козырьком – прямо на округлом стальном лбу, по темно-синей поверхности начертаны знаки. Сложные, непонятные, неведомые. Чем-то особым начертаны. Белым с красным. Как показалось Дипольду, загадочные письмена поблескивали и сияли своим собственным, изнутри идущим светом. Хотя это могло быть обманом зрения, или игрой солнечных лучей.

И вот еще одна странность: кроме смотровой прорези в расписанном шлеме и в прочей темной броне не было ни дыхательных, ни вентиляционных отверстий. Даже найдись где-нибудь великан, которого можно было бы заковать в подобные латы, долго сражаться в этой скорлупе-душегубке не смог бы и он. Тем более сражаться оружием, уложенным возле удивительного доспеха.

Правая латная перчатка касалась рукояти меча. Клинок – без ножен. Длинный и тяжелый. Длиннее и тяжелее даже тех двуручников-цвайхандеров, что носят на своих широких плечах силачи из наемников-ландскнехтов. Слева от доспеха громоздилась булава соответствующих размеров – раза в два, а то и в три больше обычной. Этаким впору не сражаться, а двери, да ворота вышибать.

Щита, правда, не было. Впрочем, для подобных доспехов щит – ничем не оправданное излишество.

Да, содержимое маркграфской повозки впечатляло. Но и только. По-прежнему оставалось непонятным, для чего вообще Альфред Черно книжник привез сюда этого железного истукана? Зачем демонстрирует совершенно бесполезные ввиду своей неподъемности латы? И где же, в конце-концов, тот оберландский рыцарь, с которым надлежит скрестить оружие?

В повозке, на которую указал змеиный граф – только грудка бездушного металла, у повозки – один лишь худосочный возница в балахоне, похожем на рясу, и с палаческим колпаком на голове. Что за глупые шутки?! С кем сражаться?! Не влезет же этот возница в ЭТИ латы? Не схватит меч размером с алебарду, не взмахнет булавой, которая потяжелее кузнечного молота будет. Поднять такой меч, такую булаву и такие доспехи можно разве что при помощи...

Озарение было ярким, внезапным. Как вспышка. Магическая вспышка.

Магия! Черно книжие! Колдовство! Вот оно что! Вот что тут замешано!

Так, значит, все, что болтают о зловещем властителе Верхней Марки, – правда?!..

Будто подслушав мысли Дипольда, маленький возница перестал бормотать себе под нос, что-то выкрикнул гортанным, каркающим каким-то голосом. Что-то громкое, но невнятное. А после – отчетливо, ясно, требовательно:

– Восстань!

... И значит этот, в капюшоне и балахоне, тщательно прячущий свое лицо – не возница вовсе, а какой-нибудь маркграфовский чародей. Быть может, сам прагсбургский магиер Лебиус Марагалиус, нашедший приют и покровительство в Оберландмарке?!..

А из-под опущенного капюшона – снова. Громко. Зычно. Властно:

– Восстань!

... И значит, сейчас то, что неподвижно лежит в повозке...

И – в третий раз. Еще громче:

– Вос-стань!

... восстанет?!

Время и мысли остановились.

И пфальцграф Дипольд Славный, и прочие остландские рыцари, и бургграф Рудольф Нидербургский, и его приближенные, и городская стража, и даже сам Альфред Чернокнижник со своими воинами заморожено следили, как...

Груда металла в повозке вдруг шевельнулась.

Лязгнула. Звякнула...

Безжизненные доспехи, переставали быть таковыми. Оберландский железный истукан обретал подвижность.

На дне повозки прогнулись и затрещали от смещения центра тяжести крепкие дубовые доски. Дернулись разомкнутые цепи, удерживавшие в пути чудовищный груз. Жалобно скрипнули прочные оси и колеса с широченными ободами.

Испуганно зафыркали, заоглядывались кони из упряжки.

А Дипольд все смотрел. Смотрел вместе со всеми. Как...

Над повозкой поднялась, сжала и разжала пальцы шипастая стальная рука. Рукавица... Левая. Затем рука опустилась. Нащупала булаву. Правая рука оживающего монстра уже сжимала рукоять меча.

Теперь над повозкой поднимались голова и корпус. Шлем и кираса. Сочленения лат двигались легко, почти без скрежета. «Вероятно, из-за хорошей смазки», – отстраненно подумал Дипольд. И вообще, надо сказать, для своих размеров и массы ЭТО (Дипольд еще не определился, как следует называть такое!) двигалось довольно быстро.

Р-р-раз! И поднятая черным магиерским искусством гора металла уже не лежит, а восседает на прочной шестиколесной платформе.

Дв-в-ва! И с повозки опускается... ступает на землю стальной сапог. Один.

Тр-р-ри! И за первым сапогом – второй. Дипольд отметил, что шпор на стальных пятках нет. Еще бы! Никакой лошадиный хребет не выдержит такую громадину.

Четыр-р-ре! И рыцарь-защитник Альфреда Чернокнижника уже стоит на ногах. Во весь рост. А сам оберландский маркграф глухо смеется под опущенным забралом. Да, Альфред должен быть доволен произведенным эффектом.

Глава 10

Скрепленный упрятым под латами внутренним каркасом и стянутый снаружи железными болтами, стальной монстр, в которого неведомые заклинания и тройной призыв вдохнули жизнь, осмотрелся, разворачиваясь всем корпусом. Вправо, влево... Затем обратил темную смотровую щель на ристалище и на остландаских рыцарей.

Стоявший за спиной великана худосочный возница-колдун казался низкорослым пигмеем в капюшоне.

«Лебиус! – понял Дипольд. – Все-таки это Лебиус Марагалиус!».

Лишь проклятый прагсбургский магиер способен создать такое чудовище. Лебиус однажды уже сотворил человекоподобное существо из красной глины, и его детище, именуемое големом, взбесилось и разнесло половину Прагсбурга.

Только тот был глиняный, а это...

– Голем! Тварь Лебиуса! – кричали вокруг. Рыцари, оруженосцы, солдаты, герольды... Многие уже догадались. Правильно догадались. Бургграф Рудольф Нидербургский стоял неподвижно с лицом блее льняного полотна. Прекрасная Герда и вовсе упала без чувств.

... а это...

– Голем! Стальной голем!

Да, именно стальной голем возвышался над ристалищной оградой! Что ж, если Лебиус вылепил одного голема из глины, отчего бы другого ему не выковать из железа и стали? И вот этого-то другого Альфред Чернокнижник выставлял сегодня на поединок.

Теперь было понятно, почему змеиный граф ведет себя так нагло. Чернокнижник надеется на своего стального рыцаря-защитника. Ну-ну...

Пока люди вокруг кричали и безумствовали, Дипольд Славный внимательно рассматривал противника. Монстр уже сделал первый шаг.

И второй.

И третий.

Стальная тварь вступала на ристалище... Глубокие следы свидетельствовали о немалом весе идущего, однако передвигался голем-рыцарь довольно ловко.

Оберландский поединщик наступал молча, но отнюдь не беззвучно. Каждый шаг, впечатывавшийся во взрыхленную копытами землю, отдавался глухим грохотом и металлическим позвякиванием. Боевой конь в галопе, с вооруженным всадником на спине не производит столько шума.

Закованные в броню ноги поднимались и опускались, как у обычного человека.

Шаг, другой...

Громыхание.

Лязг.

Звон.

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь!

В одной руке – чудовищных размеров меч, в другой – огромная булава. Стальной голем шел неторопливо. А куда ему сейчас торопиться?

Еще шаг, и еще...

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь!

Дипольду казалось, будто от тяжелой поступи чудовища вздрагивает земля. Вероятно, то же самое чуял и верный конь пфальцграфа. Лучший из жеребцов Дипольда попятился перед надвигающейся машиной.

Удар шпор, рывок строгого, рвущего лошадиную пасть повода. Конь смирился, чуя крепкую руку хозяина. Покорился, как уже неоднократно покорялся, бросаясь по воле Дипольда и на ристалищного соперника, и в самую гущу кровавой битвы.

А сегодня, похоже, ристалище как раз и станет кровавым полем боя. Голем приближается. Меч – поднят. Булава – занесена. Первым на его пути будет пфальцграф Дипольд Гейнский по прозвищу Славный.

Дипольд все же отъехал назад – к ошеломленным, спешно отступающим на противоположный край ристалища остландским рыцарям. Но для того лишь отъехал, чтобы хватило пространства на хороший разгон.

Пфальцграф остановился.

Снова развернулся коня мордой к жуткой махине.

Все! Больше назад ни шагу. Будь даже стальной голем наполнен изнутри самой черной магией по смотровую щель, Дипольд Славный все равно не покажет тыла.

Сзади приходили в себя и готовились к бою остландцы. А Дипольд был уже...
Готов...

Готов?

Конечно, он только храбрился. Конечно, всего лишь подбадривал себя и гнал прочь гнетущий, постыдный страх. Но в том-то ведь все и дело! Кто-то способен совладать со своим страхом, а кто-то – нет.

Дипольд Славный был из тех, кто способен. Он умел растворять подступающий страх в безумстве боя. Он знал: это возможно. Всегда. Даже сейчас. Даже с таким противником. Нужно только начать схватку! И, желательно поскорее. Пока не поздно. Пока страх не разросся, не стал сильнее.

Пфальцграф еще раз глянул вперед, оценивая противника. Именно как обычного противника. Как очередного вышедшего на ристалище поединщика.

Да уж, обычного...

Да уж, очередного...

Даже стоя на земле, оберландский великан был не намного ниже конного рыцаря. Так что основное преимущество всадника практически сходило на нет. А по массе голем, пожалуй, что и превосходил и лошадь, и человека в тяжелой

турнирной броне.

При всем при этом шипастые доспехи имели лишь одно более-менее уязвимое место – смотровую щель. Должны же там, под толстым, расчерченным неведомыми письменами, горшкообразным шлемом находиться... ну, если и не глаза, так что-нибудь их заменяющее. Иначе зачем вообще нужна эта единственная прорезь в сплошной броне?

Однако и смотровая щель слишком узка: массивный наконечник турнирного копья туда не всадить. Даже если попадешь. Даже если ударишь точно, все равно нутра голема не достанешь.

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь!

А враг все ближе.

Ближе...

Оставалось полагаться на скорость и грубую силу. Всадник все же двигается быстрее, чем пеший рыцарь. Пусть даже такой рыцарь, как этот. А турнирное копье подлиннее будет, чем меч и булава голема. Значит, разогнать коня – и привычный таранный удар. Желательно повыше, в голову. Чтобы опрокинуть. А уж потом...

Пока сбитый голем будет возиться в пыли, как перевернутый на спину жук, можно выиграть еще немного времени. Разглядеть поднимающегося противника вблизи. Обдумать. Принять решение. Верное решение для нового удара.

А не хватит одного... второго... третьего удара – что ж, можно объехать опасного врага, уклониться от меча и булавы. Подхватить у оруженосцев новое копье взамен сломанного – и вперед. И снова. И опять.

Запасных копий пфальцграф на турнир привез много. А верные, вымуштрованные оруженосцы – вон они, только ждут сигнала у западного конца ристалища. Рано или поздно, но ведь должны же коронные таранные удары Дипольда Славного, выбивающие людей из седел, нанести хоть какой-то вред этой махине?

К тому же, помимо Дипольда, о голема преломят копья и другие рыцари. Увы, в случае победы, славу придется делить с ними, но все же первый, самый первый удар нанесет гейнский пфальцграф.

Пусть это видят все.

Пусть все запомнят!

Бургграф Рудольф Нидербургский что-то кричал Альфреду Оберландскому. Чернокнижник что-то отвечал. Но Дипольд уже не слышал этих никчемных запоздалых переговоров.

Он уже вложил толстое древко в опорные крюки-фокры. Острие его турнирного копья смотрело в голову стального великана.

Оставалось послать коня навстречу зловещей, лязгающей металлом фигуре.

Золоченные шпоры пфальцграфа вонзились в упругие бока под попоной со златокрылыми грифонами. Конь заржал.

Глава 11

С появлением голема соотношение сил на ристалище изменилось сразу. Рудольф Нидербургский не знал, на что способен в бою оберландский стальной монстр. Но несокрушимую мощь голема бургграф ощущал нутром. Альфред Чернокнижник больше не казался беззащитным и обреченным, как представлялось Рудольфу прежде.

«Не следовало все-таки с ним разговаривать», – снова и снова упрекал себя устроитель турнира.

Нужно было нападать и убивать сразу. Без лишних слов. Наплевав на турнирный кодекс и ристалищные правила. Позабыв о благородстве и рыцарской чести.

Нападать!

Убивать!

Покуда проклятый магиер не поднял с проклятой повозки проклятого голема, выступающего на стороне проклятого маркграфа.

Нападать!

Убивать!

Как только звук рога возвестил о приближении змеиноного графа – так и нападать... так и убивать... Или отступить в город, под защиту стен. Но теперь-то уж поздно сокрушаться. Теперь вооруженная чудовищным мечом и невиданных размеров палицей груди железа приближалась к рассыпанному по ристалищу строю остландских рыцарей.

Чтобы начать с них.

А закончить?

– Маркграф! – собрав в кулак всю волю и мужество и силой голоса перекрывая металлический лязг, воскликнул Рудольф Нидербургский. – Немедленно остановите своего...

Змеиный граф смотрел на него. Прорезью забрала. Всем шлемом. Всем собою. Смотрел, чуть подавшись в седле вперед. Слушал. Внимал. Ждал.

– ...своего...

Он был недалеко, этот Чернокнижник, совсем рядом был, на той стороне, в общем-то, неширокого ристалища, предназначенного для одиночных конных сшибок. С ним можно было перекрикиваться даже при таком шуме.

– ...своего... Остановите! Слышите?!

– Зачем, дорогой сосед? – из-под опущенного забрала Чернокнижника звучала неприкрытая насмешка. – Зачем останавливать? Условия оговорены. Начало турнира объявлено. Пора делать дело.

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь! – грохотали по турнирному полю стальные сапоги стального человека. Человеком, однако, не являющегося.

– Вы утверждали, что ваш защитник – благородный рыцарь, а это исчадие... это создание... – Рудольф вновь запнулся, подбирая нужные слова.

Его не дослушали.

– А может быть, любезный бургграф, благородства в этом создании больше, чем в вас? Оно, по крайней мере, атакует в открытую и не плетет заговоры за чужой спиной.

Маркграф потешался над устройтелем турнира.

А защитник маркграфа...

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь!

... наступал.

– Мои гости не станут драться с этим...

И опять бургграфа беспардонно перебили:

– Станут, ваша светлость! Еще как станут. У них нет выбора. Если ваши зачинщики не пожелают начинать бой, это сделает мой рыцарь. Вот только подойдет поближе...

Боум-ш-джз-з-зь! Боум-ш-джз-з-зь!

– Рыцарь?! – в отчаянии выкрикнул Рудольф Нидербургский. – Это не рыцарь! Это богопротивный! Магический! Го-лем! Порождение темного колдовства, которое

не должно использовать в честном турнире!

Странно, но Альфред ответил и на это. Ответил громко и вполне серьезно – уже без тени насмешки:

– Вообще-то я предпочитаю называть своего голема не магическим, а механическим. Что же касается той невеликой доли колдовства, которая позволила вдохнуть в него жизненную силу, то она в некотором роде уравнена количеством и доблестью противников, вызвавшихся сразиться с моим рыцарем. Так что тут все честно, бургграф. И даже если не все, то уж, во всяком случае, не вам, дорогой вы мой интриган, упрекать меня в нечестной игре. А теперь, будьте добры, помолчите и не мешайте мне смотреть.

А зрелище на огороженном ристалищном поле разворачивалось невиданное и устрашающее.

Первым голема атаковал Дипольд Славный. Горячий гейнский пфальцграф, пришпорив коня, бросил несчастное животное в тяжелый галоп навстречу монстру.

Всадник, украшенный остландскими грифонами, набирал скорость. Голем, наоборот, вдруг остановился. Застыл. Широко расставив ноги и подавшись вперед, он ждал Дипольда.

И остальных.

Время замедлило бег. На стального рыцаря скакал рыцарь из плоти и крови. Расстояние между противниками быстро сокращалось.

Один за другим срывались с места другие участники турнира. Пригнувшись в седлах, прикрывшись щитами и выставив копья, остландцы мчались за Дипольдом Славным. Каждый стремился догнать пфальцграфа, обогнать, первым нанести сокрушительный удар. Или вторым. Или третьим хотя бы...

Урвать себе кусочек неувядающей славы.

Сбить противника...

Удастся ли? Создание магиера Лебиуса стояло недвижимой, несокрушимой двуногой скалой. Голем больше не сотрясал своей тяжелой поступью турнирное поле. Теперь по ристалищу грохотали копыта двух десятков боевых коней. И два десятка копий целили в громадную темную фигуру.

Но отчего-то Рудольфу Нидербургскому не очень верилось сейчас в удачливость Дипольда Славного и прочих рыцарей Остланда.

...Свое копье пфальцграф с самого начала направил в голову врага. В большую, стальную, горшкообразную голову. В середину глухого шлема – под магическую роспись, под козырек смотровой щели. Да, массивный наконечник в узкую прорезь не пройдет, но, может быть, хотя бы щепка расколотого древка...

А нет – так оглушить, ошеломить, повалить врага точным ударом. Вложив в этот удар всю силу и скорость, напор, разбег, массу коня и всадника.

Дипольд слышал за спиной нарастающих топот, лязг железа и выкрики – это на стального монстра скакали рыцари-поединщики. Скакали за славой или за смертью.

Сквозь смотровую щель усиленного турнирного салада Дипольд видел, как голем отводит назад левую руку. Ту, что с булавой. Не для удара отводит – для удара еще рано. Судя по всему, эта оживленная магией груда металла собиралась... Да, точно – метнуть оружие собиралась. Дипольд старался не думать о том, как сильно и как далеко может бросить столь устрашающий снаряд железная рука. Пусть даже левая... Или для голема нет разницы – что правая, что левая?

Резкий взмах. Рука – будто рычаг катапульты.

Булава – массивный шишковатый шар на толстой деревянной рукояти – выскальзывает из разжавшихся стальных пальцев, летит, кувыркаясь...

Нет, не в Дипольда. Мимо него. Выше. И левее.

Враг промахнулся? А может, нет? Может у голема – другая цель?

Все же немало труда стоило не свернуть на полном скаку вправо, не пригнать, не спрятать голову, не упасть на лошадиную шею, укрывая глаза в конской гриве. Сохранить хладнокровие.

Отвлекаться – нельзя. Иначе не удержать повода и копыя. Иначе массивный наконечник ударит не туда, куда задумано.

За спиной Дипольда послышался звон, грохот...

Будто со стен оружейной вдруг разом рухнули доспехи, висевшие на ненадежных крючьях.

...И крики боли, проклятия, ругань.

Голлем, и правда, целился не в Дипольда. И голем не промахнулся: брошенная с нечеловеческой силой булава цели достигла.

А Дипольд не отвлекался, не оборачивался. Сжав зубы, и еще крепче – копые, он по-прежнему несся вперед, на несокрушимую громаду, напоминавшую человека лишь очертаниями фигуры. Через свою смотровую щель он смотрел в черную прорезь на расписанном магическими знаками темном шлеме. И по-прежнему целил туда, под козырек.

А черная прорезь смотрела на него. На него одного.

Да, турнирное копые было длиннее меча голема. И копые ударило первым. Сильно. Мощно. Только ожидаемого результата этот таранный удар не принес. И вообще – никакого результата.

Голем вдруг ушел вниз, пригибая голову, прикрывая козырьком смотровую щель. По сути, он повторял тот же прием, что использовал сам Дипольд в сшибке с Генрихом-Медведем. С неожиданным проворством стальная махина, громынув латами, опустилась, нет – упало на одно колено. Выставив вперед другое, подавшись всем корпусом навстречу противнику. Обретая надежную опору, подныривая под копые.

Дипольд не успел поворотить тяжелое древко. Вовремя – не успел. Недостаточно быстро опустил. Недостаточно низко. Наконечник лишь скользнул по гребню шлема, исчерканного письменами. Толстое ратовище подскочило вверх, вырываясь из опорных крюков. Даже не преломившись.

Проносающегося мимо, почти вплотную, всадника с золотым грифоном на щите и гербовой котте, голем не стал рубить мечом. Резко (и откуда только такая прыть у бронированной махины!) развернулся... Толкнул растопыренной левой ладонью. Не самого Дипольда даже – пфальцграфа коня. В бок.

Этого оказалось более чем достаточно. Тычок тяжелой латной рукавицы был страшен. Слетел с разбитого седла помятый щиток-дильж.

Взметнулся сорванный стальными пальцами кусок попоны. И клочок конской шкуры. Вместе с конской плотью.

Всхрип, жалобное ржание – и верный конь Дипольда, опрокинутый и отброшенный в сторону, упал у самой ристалищной ограды. Всадник отлетел еще дальше – за ограду. На опустевшие места богатых бюргеров.

Обвешенное железом тело рухнуло на землю, сломав при этом две пустующие лавки. От сотрясения темно-красный реннтарч, украшенный златокрылым остландским грифоном, сорвался с креплений кирасы. Мощная пружина зашвырнула турнирный щиток куда-то за насыпь и трибуны.

Бесконечно долгое мгновение голову Дипольда наполняли туман и жуткая боль. Густой туман. И много боли. А после – не стало ничего.

Первая жертва стального голема лежала неподвижно. Дальнейшего боя сын остландского курфюрста благородный и отважный пфальцграф Дипольд Гейнский, прозванный Славным, уже не видел.

Турнир превращался в скоротечную кровавую бойню. И, в отличие от Дипольда, Рудольфу Нидербургскому пришлось от начала и до конца наблюдать, как один за другим гибнут лучшие рыцари Остланда, на помощь которых он так надеялся.

Бледные губы устроителя боев шептали молитву. Но, видно, Господь в этот раз не слышал призывов бургграфа, и создание прагсбургского магиера безнаказанно заливало турнирное поле благородной кровью.

Ристалище было достаточно длинным, но широким лишь настолько, насколько это требовалось для парных сшибок. Для групповых стычек-бухуртов[8 - Бухурты – турнирные сражения на копьях между двумя рыцарскими отрядами.] оно не предназначалось. И потому атаковавшие противника остландские рыцари вынуждены были скакать по огороженному коридору почти стремя в стремя. В четыре-пять смешанных рядов. Вот в эту-то движущуюся массу людей и коней и угодила брошенная големом булава.

Лучшую мишень трудно было вообразить. Огромная, вертящаяся в воздухе палица вышибла из седла одного и свалила вместе с лошадью второго всадника из передней шеренги. Об этих двух споткнулись еще трое. Остальные вынуждены были придержать и повернуть коней, объезжая возникшее препятствие вдоль ограды. Плотный отряд рассеялся на разбросанных по ристалищу одиночек. Единокого натиска уже не получалось.

Первого одиночку – гейнского пфальцграфа Дипольда Славного, вырвавшегося далеко вперед, – стальной великан мощным ударом – не меча даже – растопыренной пятерни отшвырнул за ристалищную ограду, как отшвыривают надоедливую щенка. Затем голем встретил остальных. Прославленные остландские рыцари один за другим наскakивали на несокрушимую громаду. И так же – один за другим – падали поверженными, не успев причинить противнику вреда.

Даже опустившись для большей устойчивости на колени, голем превосходил ростом обычного человека, а, благодаря длинным рукам и еще более длинному клинку, в противостоянии с всадником мало в чем уступал последнему.

Вслед за несчастным Дипольдом создание Лебиуса одновременно атаковали сразу два рыцаря.

Два копыта ударили в массивный нагрудник. Толстые древка разлетелись в щепу. Голем не сдвинулся с места и, разведя руки в стороны, легко остановил обоих противников.

Конь всадника, нападавшего слева, в галопе налетел грудью на тяжелый шипастый кулак. Как на крепостную стену наткнулся. Всхрапнув, рослый жеребец вдруг встал на полном скаку. Всадник, не удержавшись в седле, перелетел через лошадиную голову, грохнулся оземь всей тяжестью турнирного снаряжения.

Конь осел, упал, забил ногами в предсмертной судороге. Кольчужный нагрудник был впечатан боевому жеребцу в ребра. Из рваной попоны и драной металлической сетки торчали сломанные кости.

Вылетевший из седла рыцарь остался лежать, как упал – на спине без чувств, не шевелясь. С гербовой котты в небо скалилась медвежья морда.

Всаднику, атаковавшему справа, повезло еще меньше. Один-единственный взмах длинного клинка – и страшный поперечный удар снес голову лошади и рассек напополам укrywшегося за лошадиной шеей рыцаря. Обезглавленное животное по инерции пролетело мимо, неся на крупе нижнюю часть человеческого тела: ноги, болтающиеся в стремях и щитках-дильжах, а выше тассеты и подола-набрюшника – ничего.

Безголовая лошадь с застрявшим в стремях обрубок человека рухнула уже за спиной голема. Следом катились, вываливаясь из доспешной скорлупы, окровавленные куски. Кровь и грязь скрыли герб несчастного.

Меч голема тоже проследовал по инерции дальше, по кругу. Чуть развернувшись, железный рыцарь достал оглушенного и бездвигенного Генриха-Медведя. Кончик длинного клинка довершил расправу, превратив тело барона фон Швица из бесчувственного в бездыханное.

Следующего нападавшего, сломавшего свое копьё о броню монстра, голем встретил мощным продольным ударом, рассекая надвое и всадника в латах – от головы до паха, и лошадь – по крупу.

Еще одна пара... Первый рыцарь чуть ближе. Второй – чуть дальше. Турнирные копыя – хрусть! хрусть! – снова ломаются, как сухой хворост – без толку, без видимого результата. Зато меч голема...

Размашистый удар. Оба всадника вылетают из седел и падают замертво. Из-под разрубленных доспехов обильно течет и льется красное.

Следующий конный остландец...

Подставленный под копейный наконечник клинок легко разрубает древко. И – замирает на краткий миг. Острие длинного меча опущено и смотрит вперед. А затем – резкий выпад навстречу скачущему противнику.

Всадник с обломком копыя в руке напарывается на заточенную сталь. Падает вместе с седлом, с опутанными ремнями и взметающимися, подобно диковинным крыльям дильжами. Меч голема обрушивается сверху вниз, добивая. И не спасают прочные турнирные латы. От такого удара не спасут даже они.

Новый противник. Слева. Спешит, пока тяжелый меч не поднят вновь. И успевает. Почти. Копье направлено в левую руку голема. Но копыя не попадает в подвижную конечность. Только слегка скользит по шипастому налокотнику. Рука же...

Стальная рука – безоружная, однако сама по себе являющаяся грозным оружием – сдергивает рыцаря с седла. Бросает на землю. Голем наваливается сверху всем своим весом, сжимает пальцы, вминает защитный подбородник в горло противнику. Обезглавливает – не острым металлом, но чудовищным давлением. Отрывает голову.

И – еще один остландский рыцарь. Уже справа. Налетает на согбенную грудку железа, используя благоприятный момент. Разогнуться, размахнуться для верхнего удара у голема времени нет. А потому он просто рубит мечом понизу. Падает конь с отсеченными ногами. Всеми четырьмя. Катится по земле всадник. Но длинный клинок дотягивается и до него.

Очередная пара нападающих. Еще два напрасно сломанных копыя. И вновь голем рубит мечом и цепляет пальцами-крюками. Меч половинит остландского барона. Пальцы хватают графскую руку. Барон разваливается надвое. Рука графа

отделяется от тела.

Крики, лошадиное ржание, звон металла, грохот падающих тел.

А голем уже поднимается с колена, встает на ноги и шагает... нет – бежит по ристалищу, громяхая железом, навстречу отставшим рыцарям.

Если кто и испугался, если кто и пожелал остановиться, – теперь уже поздно. Разогнанные для копейной сшибки кони не останавливаются сразу. Противник – вот он уже, совсем рядом. И свернуть в огороженном ристалищном коридоре, проскочить стороной, уйти от длинного меча в длинной руке нет никакой возможности.

Ни малейшей.

Меч голема снова описывал смертоносные дуги, и фонтаны крови брызгали аж за ристалищную ограду. Стальная человекоподобная махина переступала через трупы и куски трупов, через умерших и умирающих.

Только последнему из остландских поединщиков – графу Альберту Клихштейну удалось-таки, бросив копье, осадить коня. С пронзительным ржанием обезумевший жеребец вскинулся перед големом на дыбы.

Впрочем, это не спасло Клихштейна. Острие вражеского меча все же достало... Сначала открытое брюхо графского коня, а после – уже на земле – и самого Альберта.

Потом пришел черед поверженных, но еще живых. Немногих уцелевших в этой бойне. Раненых, искалеченных, оглушенных, сбитых с седла... Тех, кто еще шевелился. Голем добивал их быстро и методично. И изящной мезирикордии[9 - Мезирикордия – длинный граненый кинжал, так называемый «кинжал милосердия», используемый рыцарем для умерщвления поверженного противника.] для этого ему не требовалось. Победитель использовал свой громадный меч, действуя им со сноровкой мясника и несуетливостью потомственного разделщика туш.

Только вылетевший за ограждения Дипольд Гейнский почему-то не привлек внимания голема. Впрочем, пфальцграф не подавал признаков жизни и не представлял никакой опасности для чужаков из Верхней Марки.

Глава 13

Залитое кровью ристалище являло собой границу. На той стороне турнирного поля – Рудольф Нидербургский видел торжествующих оберландцев во главе с Чернокнижником. И уже не важно было, что воинов у маркграфа так мало. Важно только одно: под знаменем с серебряной змеей выступил неуязвимый, непобедимый, несокрушимый голем. Великан не из плоти и крови, а из металла и черных колдовских токов сейчас вершил кровавое дело на кровавой ристалищной границе. Довершал. Доделывал...

С другой стороны ристалища, у зрительских трибун, теснились обескураженные, растерянные и напуганные хозяева турнира. Не участвовавшие в турнире бездеспешные нидербургские рыцари. Бледные как снег стражники. Пешие ландскнехты. Конные рейтары, которые больше не пытались отрезать оберландцам путь к отступлению, а напротив, сами отступили за турнирное поле. Первая и единственная сотня! Больше из-за городских стен никто на подмогу бургграфу не спешил. Город трусливо закрывал ворота.

Правда, к нидербургским воинам уже присоединились оруженосцы и слуги изрубленных остландских рыцарей. Да еще вон в сторонке – десяток оцепеневших от страха стрелков-арбалетчиков.

Арбалетчиков?

Арбалетчиков!

Рудольф встrepенулся. Как он мог забыть о своих бравых стрелках?! Самострелы в их руках взведены. И притом, не абы какие самострелы. Большие, массивные армбрусты со стальной дугой лука и крепкой тетивой, натянуть которую возможно лишь при помощи тугого реечного ворота или мощного рычага «козьей ноги». Такие арбалеты способны пробить любой доспех. Любой обычный

доспех. И быть может... И может быть...

Это была последняя надежда.

Бургграф Рудольф Нидербургский встретился взглядом с начальником стрелков. Глаза десятника-цейнерманна выражали страх и готовность. Страх, потому что глаза эти видели то же, что видели глаза бургграфа. Готовность – потому что страх...

Во взглядах прочих арбалетчиков тоже читался ужас на грани паники. И – тоже готовность. Готовность обреченных. Готовность сделать хоть что-нибудь, хотя бы попытаться сделать... Лишь бы избавиться от этого липкого, сковывающего члены страха.

Бургграф молча и почти незаметно кивнул.

Краткий приказ цейнерманна был слышен едва-едва. Десятник отдавал команду хриплым шепотом... Однако те, кому следовало, расслышали. Почувствовали. Прочли по пересохшим губам.

Арбалеты поднялись.

Звонкие щелчки армбрустов прозвучали громче произнесенного приказа. Тяжелые стрелы срывались с массивных лож.

Одна,

вторая,

третья...

Единого залпа все же не получилось. Арбалетчики не смогли разом стряхнуть оцепенение и одновременно прижать спусковые скобы.

... четвертая,

пятая,

шестая...

Руки стрелков дрожали, но сейчас это не имело значения: мишень была близко, мишень была большой. Захочешь – не промахнешься.

Мишенью являлся голем, уже закончивший свою кровавую работу. Голем стоял неподвижно, спиной к стрелкам, видимо, ожидая от своего создателя и господина дальнейших распоряжений. А бить врага в спину всегда проще и безопаснее. Это известно любому стрелку.

Увы, зловещая фигура стального человека... нечеловека... сзади оказалась столь же неуязвимой для арбалетных стрел, как и спереди – для таранных копейных ударов. Короткие, толстые и массивные болты «армбрустов» даже не опрокинули гиганта.

Металл звенел о металл. Болты били вразнобой

в торс,

в шею,

в голову,

в поясницу,

в плечо,

в руку стального голема.

Звяк, звяк, звяк, звяк, звяк, звяк...

Тяжелые бронебойные болты отскакивали, лишь слегка оцарапав броню, скользили, отлетали, отклоненные... Вверх. Вниз. В сторону – далеко за ристалище.

– Не туда! – бургграф повернул искаженное лицо к арбалетчикам. Чувства смешались, и Рудольф Нидербургский кричал сейчас в гневе и в страхе. – Не в того! Маркграф! Магиер!

Раз уж нельзя остановить голема, следовало хотя бы избавиться от тех, кто отдает ему приказы! Пока эта машина смерти не получила новой команды.

Стрелки поняли. Стрелки успели, повернуть четыре неразряженных еще арбалета. Надавить на спусковые скобы самострелов.

Щелк, щелк, щелк, щелк... Стрелы полетели к новым целям. Две – в змеиного графа. Две – в беглого прагсбургского колдуна, состоявшего у него на службе.

Одна пара... Первая стрела сбила Альфреда Чернокнижника с коня. Вторая просвистела над опустевшим седлом и по самое оперение вонзилась в грудь сидевшего позади знаменосца.

Другая пара... Первая стрела бросила Лебиуса Марагалиуса наземь. Вторая сухо стукнула о борт шестиколесной повозки над поверженным магиером.

Дружина маркграфа ответила. И, надо признать, ответила достойно.

В свите Альфреда Оберландского тоже имелись стрелки. Вдвое больше, чем у нидербуржцев. Два десятка конных арбалетчиков со взведенными самострелами. Кавалерийскими, правда, не такими мощными и дальнобойными. Однако в меткости оберландцы стрелкам Рудольфа не уступали. А на малой дистанции и легкий, заряжаемый со стремени, арбалет будет смертельным оружием.

Самострелы ударили дружным залпом. Стрелы перелетели через ристалище и бургграф в одно мгновение лишился десятка своих арбалетчиков. Заодно досталось трем ландскнехтам, двум оруженосцам и одному герольду, случайно оказавшимся на пути оберландских стрел. Впрочем, эти потери не шли ни в какое сравнение с утраченной властью врага над големом.

Если власть, действительно, утрачена... хоть ненадолго. Если самонадеянный Альфред и проклятый Лебиус мертвы. Если некому больше управлять стальным

монстром.

Тогда – можно атаковать. Опрокидывать, сминать и преследовать оберландцев. Отгонять врага подальше от голема. А уж там разберемся.

Рудольф Нидербургский открыл рот. Но приказ вдруг застрял в горле. Бургграф в ужасе воззрился на...

Оберландского маркграфа поднимали с земли двое оруженосцев. Альфред Чернокнижник покачивался и что-то рычал из-под опущенного забрала. На нагруднике, в который угодила тяжелая стрела, виднелась лишь небольшая вмятина. Ни раненым, ни, тем более, убитым властитель Верхней Марки не выглядел.

Рудольф перевел взгляд на...

Прагсбургского мага вырвало. Распростертое под трехосной повозкой маленькое скрюченное тело Лебиуса Марагалиуса содрогалась от болезненных приступов. Под скошенным набок и едва не свалившимся с головы капюшоном слышались тихие стоны и всхлипы. Сухая костлявая рука цеплялась за толстые спицы огромного колеса. Колдун тоже пытался подняться. Сам, правда, без посторонней помощи. В мешковатом балахоне на уровне живота зияла прореха. Извергнутое содержимое желудка неаппетитной лужицей растекалось под повозкой, но сами потроха чародея, судя по всему, уцелели. Крови, по крайней мере, не было. И в брюхе мага не торчало оперение. Стрела, сбившая Лебиуса с ног, валялась в стороне.

Нидербургский бургграф судорожно хватал воздух ртом, будто ему самому только что досталось болтом армбруста под дых. Проклятье! Колдовство! Опять! Снова!

В голове Рудольфа царил полнейший разброд. А сердце наполнял ужас.

Альфред же, как ни в чем не бывало, вновь сел в седло. Поднявшийся Лебиус стоял на ногах, опираясь о повозку.

– Господи Милостивый, сколько же здесь големов?! – в отчаянии простонал бургграф.

И не услышал собственного голоса.

Откашлявшись, отхаркавшись и отплевавшись, Лебиус что-то выкрикнул ... Невнятное что-то. Впрочем возвышавшаяся среди ристалища гряда ходячего металла поняла.

Перепаханный кровью голем вновь ожил. Повернулся к ристалищным трибунам лицом. Тем, что было у него вместо лица. Темной смотровой прорезью глухого шлема.

– Бургграф, сложите оружие! – сухо и властно приказал Альфред Чернокнижник. – Этот бой вы уже проиграли.

Голем сделал шаг по направлению к трибунам.

Оружие нидербуржцев посыпалось на землю.

Глава 14

Спешившиеся воины маркграфа деловито хозяйничали на ристалище. Уводили лошадей, собирали оружие, приторачивали приглянувшиеся трофеи к седлам. Нидербургский бургграф, его телохранители и приближенные, рыцари, оруженосцы и слуги, городская стража и наемники-ландскнехты ждали в сторонке – уныло, подавленно и покорно.

Кое-кто, правда, еще с надеждой поглядывал на городские укрепления. Но помощь из-за стен Нидербурга не спешила. Ворота были закрыты, а бомбарды, грозно торчавшие между каменных зубцов, молчали. То ли запершиеся в крепости нидербуржцы не желали раздражать Альфреда Чернокнижника, в чьей полной власти находился сейчас бургграф, то ли опасались ненароком задеть последнего ядром. А возможно, ристалище не обстреливалось до сих пор по причине полной растерянности, охватившей горожан.

Чудно? было видеть, как горстка пришлых оберландских воинов ловко разоружает втрое больший отряд. Было бы чудно?, если б не голем. И если бы с меча и лат стального монстра не капала кровь павших рыцарей.

Из всех участников турнира выжил лишь гейнский пфальцграф Дипольд Славный, лежавший за ристалищной оградой. Но после сильного удара о землю, пфальцграф так и не пришел в чувство.

Альфред Оберландский и магиер Лебиус внимательно осматрели рыцаря со златокрылым грифоном на груди. Убедившись, что Дипольд жив, маркграф распорядился:

- Этого берем с собой. Латы снять. Связать. Кляп - в рот. Самого - в повозку.

- Это пфальцграф Дипольд Славный, сын Вассершлоского герцога и имперского курфюрста Карла Остландского! - возмутился Рудольф Нидербургский. - Он мой гость!

Отнюдь не случайное упоминание об остландском курфюрсте не произвело, однако, на Альфреда должного впечатления.

- Был ваш, теперь - мой, - пожал плечами оберландец. - Надеюсь, его сиятельство Карл Осторожный, действительно, будет в достаточной мере осторожным и благоразумным, чтобы не причинять мне вреда. И самому не причинять и не позволять делать это другим. Отец ведь должен заботиться о своем сыне, вы не находите?

Все было ясно, как божий день. Дипольд Славный становился заложником Альфреда, и не в силах Рудольфа этому помешать. Вот они, пресловутые гарантии безопасности, на которые намекал оберландский властитель!

- Ваш шантаж не может продолжаться вечно, маркграф! хмуро заметил Рудольф. - Как только Дипольд погибнет или окажется на свободе...

- Полноте, любезный бургграф. Я вовсе не зверь, чтобы убивать благородного гостя. Но и отпускать Дипольда в ближайшее время я тоже не намерен.

– А известно ли вам, что Его Сиятельство Карл Остландский в скором времени станет императором? – с вызовом спросил Рудольф.

Большой государственной тайны он не выдавал, но все же... Быть может, в закрытые земли Верхней Марки новости доходят с опозданием и там не вникают в суть внутренней имперской политики. Тогда, возможно, удастся смутить или даже образумить зарвавшегося маркграфа...

Не удалось. Видимо, Чернокнижник был все же в курсе грядущих перемен. Альфред спокойно кивнул:

– Это для меня не секрет.

– Но если захваченный вами Дипольд...

– Зачем же так грубо? – издевательский изгиб тонких бледных губ. Ну точно, будто на устах оберландца шевельнулась змея. – Не захваченный вовсе. Приглашенный. В гости. В го-сти при-гла-шен-ный, ваша бургграфская светлость.

Рудольф сглотнул. Продолжил. Заставил себя продолжить спокойным... по возможности, спокойным и ровным голосом:

– Если Карл станет кайзером, а Дипольд – соответственно – сыном кайзера...

Бургграф осекся. Оберландец смотрел на него своими немигающее-бесстрастными глазами. Этот Чернокнижник ведь просчитал и продумал все наперед. И любые разговоры с ним теперь излишни.

– Тем лучше, – усмехнулся Альфред, – тем выше честь.

– Выше? Честь? – тихо-тихо процедил Рудольф.

– Разумеется! Ведь у меня в гостях окажется уже не сын какого-то герцога-курфюрста, а целый кронпринц.

– Вы играете с огнем, маркграф. Это опасно.

– Для кого? – в гипнотизирующем змеином взгляде Чернокнижника промелькнула насмешка. – Для меня? Для Дипольда? Или для вас, горе-заговорщика, не уберегшего сына имперского курфюрста и отпрыска будущего кайзера?

Рудольф не нашелся, что ответить. И как ответить, чтобы ответ прозвучал достойно. А собраться с мыслями ему не давали.

– Собственно, если разобраться, любезный бургграф, то именно ваш подлый заговор, организованный под прикрытием турнира, привел к столь плачевным для вас лично и вашего остландского покровителя последствиям. Разве не так? Разве не вы заманили падкого до славы Дипольда на это ристалище? И разве не с вашего согласия состоялся бой ваших гостей с моим големом и по моим правилам?

– Я не знал, – подавленно пробормотал бургграф. – Я ничего не знал...

– А кто примет такое оправдание? Карл Осторожный, лишившийся единственного сына? Влиятельнейшие остландские фамилии, чьи представители порублены на куски под стенами вашего города?

– Вы... вы... – от сдержанности Рудольфа Нидербургского сейчас зависело многое, и все же бургграф чувствовал, что утрачивает контроль над собой. Он уже не мог остановиться. Впрочем, и высказать все, что накипело, не мог тоже: Рудольфа переполняла ненависть, в груди не хватало воздуха.

– Вы... вы...

Альфред со скучающим видом отвел взгляд от взволнованного собеседника. Потом, будто вспомнив о чем-то, вновь повернулся к Рудольфу.

– Да, забыл сказать, дражайший сосед. Вашу милую дочурку я тоже увожу с собой.

– Что-о-о?!

Бургграф вскинулся. Встрепенулись, подскочили обезоруженные и усаженные на голую землю рыцари и слуги из свиты Рудольфа. Всех их, впрочем, тут же усадили обратно. Кого усадили, кого повалили. Воины маркграфа не стеснялись применять грубую силу.

– Вы не посмеете! – Рудольф Нидербургский побагровел и затрясся. – Альфред, если вы человек чести...

– Посмею, – тихо и спокойно заверил его Чернокнижник. – И дело тут не в моей чести. Я забираю Герду для того лишь, чтобы уберечь остатки вашей. После справедливого ристалищного боя... справедливого не так ли, бургграф?

На заданный вопрос и пристальный взгляд Альфреда Рудольф не ответил.

– Так вот, после честного боя вы уже отдали бесчестный приказ своим арбалетчикам. Это может повториться. А зачем вам лишний позор? И зачем мне ненужные хлопоты? Я забираю вашу дочь, дабы у вас и ваших людей не возникло желание пальнуть нам вслед из крепостных бомбард или снарядить погоню. Герда поможет мне удалиться без м-м-м неприятных инцидентов. Ну, и потом... после... в общем, ей тоже придется некоторое время погостить в моем замке.

– За-а-ачем? – с превеликим трудом выдавил из себя нидербургский бургграф.

– Чтобы у вас больше не возникало охоты плести заговоры за моей спиной... – ответил Альфред. Тон, которым это было сказано, заранее отметал все возражения, угрозы и мольбы.

Герде, как и Дипольду, предстояло стать заложницей. Возможно – вечной пленницей маркграфа, гарантирующей лояльность непримиримого врага-соседа.

– ...Чтобы впредь вы вели себя разумно, – вбил Альфред последний гвоздь.

Это был конец. Рудольф Нидербургский – поникший, ссутулившийся, разом состарившийся и вмиг охладевший ко всему на свете, опустил в свое кресло.

– Не стоит так переживать, друг мой, – с ухмылкой ободрил Альфред. – Если вас успокоит мое слово, то обещаю: я пальцем не трону вашу дочь.

Рудольф сидел неподвижно. Обещание змеиного графа не значило ровным счетом ничего. Даже если Чернокнижник сдержит слово... Сам-то Альфред, может, и не тронет Герду. Своей рукой – нет, но в оберландском замке хватает иных грязных рук. Руки Лебиуса, например. Что, если маркграф отдаст Герду прагсбургскому магиеру – для каких-нибудь колдовских опытов? Не исключено, что это будет хуже... много хуже и смерти, и бесчестия вместе взятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Зачинщик и защитник на турнире – вызывающий и вызываемый на поединок рыцари.

2

Небольшой щит, прикрывающий левое плечо и руку.

3

Реннен – дословно: бега, скачки (нем.). Так называемый «механический реннен» – один из зрелищных и относительно безопасных видов турнирных схваток в период позднего средневековья. В реальной Германии, каковая к описываемому миру имеет, впрочем, весьма условное отношение, подобная разновидность поединков известна с пятнадцатого века.

4

Турнирные латы, изготовленные для поединка-реннена.

5

Ратовище – древко копья или рогатины.

6

Тассета – железная «юбка», состоящая из подвижных сегментов, прикрывающих бедра и обеспечивающих рыцарю посадку в седле.

7

Гештех – одна из разновидностей средневековых турниров.

8

Бухурты – турнирные сражения на копьях между двумя рыцарскими отрядами.

9

Мезирикордия – длинный граненный кинжал, так называемый «кинжал милосердия», используемый рыцарем для умерщвления поверженного противника.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mel-nikov_ruslan/magier-lebius

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)